

ПОПУТЧИКИ

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

БОРИС БАТЫРШИН

Фантастика. Приключения. История

Борис Батыршин

Попутчики

«ИП Каланов»

2017

Батыршин Б. Б.

Попутчики / Б. Б. Батыршин — «ИП Каланов»,
2017 — (Фантастика. Приключения. История)

ISBN 978-5-699-95801-6

Война, как известно, слишком серьёзное дело, чтобы доверять его военным. А уж путешествия во времени – так тем более. Что, по-вашему, сделают стратеги из Министерства обороны Российской Федерации, заполучив машину времени? Разумеется, затеют масштабный эксперимент, нацеленный на то, чтобы получить технологии будущего, с помощью которых можно разом совершить огромный скачок, разом превратив страну в сверхдержаву. И если для этого надо сначала отправиться в прошлое и выиграть там Крымскую кампанию 1854-го года, обернувшуюся для Российской Империи неудачей – что ж, тем хуже для тех, кто мнит себя победителями. Но... что-то пошло не так. Вместе отлично подготовленной «хроноэкспедиции» с боевыми кораблями, бронетехникой и морской пехотой в прошлом окажутся те, кто эту операцию планировал – горстка учёных и штабных на небольшом корабле береговой охраны. Правда, не одни, а с попутчиками – по дороге в 1854-й год к ним присоединились моряки и авиаторы, захваченные неумолимой «воронкой времени» из другого непростого периода отечественной истории – Первой Мировой войны. И что же – горстка отчаянно храбрых россиян на фанерных этажерках и далеко не самых мощных кораблях должны повернуть вспять пароходофрегаты и парусные линкоры, идущие к берегам Крыма под английскими, французскими и турецкими флагами? Похоже, ничего другого им просто не остаётся...

ISBN 978-5-699-95801-6

© Батыршин Б. Б., 2017

© ИП Каланов, 2017

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	29
Глава пятая	34
Глава шестая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Борис Батыршин

Попутчики

© Борис Батыршин

Часть первая Воронка

Глава первая

I

2016 год

Москва, Лубянка, здание ФСБ

Сергей Велесов, писатель

За пять без малого десятков лет, прожитых на свете, мне нечасто приходилось слышать то, о чем можно было сказать: «не поверил своим ушам». Случалось всякое – то давний знакомец заявит нечто такое, чего от него никак не ждешь; то сообщат между делом новость, от которой волосы дыбом по всему телу. И лупаешь глазами, и мямлишь: «чего?» «а?»... или, в лучшем случае: «повторите, будьте любезны...»

Бывало, да; но чтоб на полном серьезе заподозрить себя, любимого, в слуховых галлюцинациях?

«...а может, и не только в слуховых...»

Я смотрел на Дрона так, будто он должен прямо сейчас раствориться облачком серного пара. Или подернуться рябью и пропасть, и тогда вместо него появятся два здоровяка в белых халатах и с профессионально-доброжелательными улыбками на откормленных физиономиях.

Дрон усмехнулся.

– Ждешь, когда я превращусь в серого инопланетянина? Не дожدهшься.

Я непроизвольно помотал головой. Наваждение улетучилось. Ни санитаров, ни жукоглазых пришельцев.

– Скорее уж в кролика... в цилиндре, – буркнул я. Старый друг прочитал меня, как поздравительную открытку. Три десятка лет тесного общения – это вам не жук чихнул, даже

без учета психологических фокусов, которым учат в их конторе. – Слушай, давай, признавайся, что по-дурацки пошутил, и наливай. А я, так и быть, не обижусь.

– Налить-то я тебе налью... – он потянулся к бутылки «Ноя», – Но ты с иллюзиями заканчивай, все всерьез, сам понимаешь...

Еще бы не понять! За все время, пока я знал Дрона, мне ни разу не пришлось бывать у него на работе. Выписывать пропуск на Лубянку только ради розыгрыша? Огрести «немножечко геморроя» от начальства можно и менее громоздким способом. Здешние кабинеты наверняка слушают, и приставленные к этому люди напрочь лишены чувства юмора. Во всяком случае – на службе.

Хотя, что я знаю о нынешних комитетчиках? Кроме вот этого самого Андрея Митина, старого друга со студенческих лет, я ни с кем из них вовсе не знаком. А вдруг это в ФСБ, так шутят?

Дрон положил передо мной лист бумаги официального вида. Я прочел первую строку и по спине пробежала струйка ледяного пота.

«Подписка о неразглашении служебной тайны» – о как! И дальше: «Я, фамилия, имя, отчество, ознакомлен... обязуюсь не разглашать... предупрежден... за разглашение сведений, составляющих...»

В строке «инструктаж провел» значилось «Митин А.В.». И не вписанная от руки, а вбитая в электронную форму. А ведь здесь любые документы в здешних компах сохраняются и систематически проверяются. А значит, версия с шуткой окончательно превращается в дым.

Но я все еще не сдавался: дрыгал лапками и шевелил вибриссами:

– Ну да, контора у вас серьезная. Гостайна, то-се, но с каких это пор я у вас служу? Может, я еще и не соглашусь?

– А ты не согласишься? – прищурился Дрон. – Вот так – возьмешь и не согласишься?

– Нет, конечно. А то ты сомневался...

– Тогда не ломайся, как гимназистка и подписывай. И вот, держи, изучишь. Завтра с утра поговорим подробнее.

И протянул мне пухлую папку. На сиреновом пластике красовалась надпись: «ЗАККУРАПИЯ».

Я ухмыльнулся. Не может без штучек...

– Что, прямо тут? Тогда выделяй диван с подушкой, а то я после бессонной ночи ничего не буду соображать...

– Перебьешься. Езжай домой, и спи хоть всю ночь. Но чтоб к девяти – как штык. Начальства у тебя нет, отпрашиваться не надо. И трудовую с военником захвати, будем оформлять тебя, как гражданского эксперта.

Я открыл «вместилище документов». На первом листе раскинул крылья двуглавый орел, под ним значилось: «Министерство обороны Российской Федерации». И ниже, крупно: «Проект К 18–54».

– Что, так и нести домой? А секретность? Подписка эта шутовская...

– А ты расскажи кому-нибудь о нашем разговоре, – плотоядно осклабился друг. – Увидишь, шутовская она, или нет!

– А что, можно. Документики имеются, журналисты кипятком писать будут!

– Ага, и клоуны из «Космопоиска» – как раз их профиль. Или нести прямиком в редакцию фантастики. Тут же подпишут договор, и даже аванс дадут.

– Ни хрена они не дадут, – буркнул я. – Жадные очень...

Скажу без ложной скромности – я широко известен в узких кругах как фантаст и поклонник альтернативно-исторического жанра и попаданства. Что не мешает время от времени публиковать в солидных журналах статьи по истории флота. Так что любой, кто заполучит эту

папку и наведет справки о ее владельце, неизбежно сделает вывод: это ни что иное, как материал для фантастического романа.

А что же еще? Скачанные из Интернета документы; фотки военных кораблей; распечатки веток с военно-исторических форумов. Сделано солидно, ничего не скажешь!

А лиловый штамп со служебным номером на каждой страничке тоже для конспирации?

А почему бы и нет?

– «Папка» по-хонтийски, на обложке – твоя идея?

Дрон кивнул.

– А то! «Обитаемый остров», спасибо Бондарчуку, сейчас много кто читал. Вот и напустим лишний раз тумана, мало ли что...

– Если «мало ли что» – тогда зачем выносить это отсюда? В дезинформацию играетесь, конспираторы?

– Иди, работай, – отрезал Дрон. – Вот пропуск и разрешение на вынос. И пожалуйста, не вздумай опаздывать!

Я выразительно покосился на так и не откупоренную бутылку, но Дрон сделал вид, что не заметил – он уже уткнулся в другую папку, по виду, точную копию моей.

«Тоже мне, Рудольф Сикорски...»

На Дрона грех обижаться. Он, как и я сам, состоял в студенческой молодости в некоем весьма известном (опять же, в узких кругах) Клубе Любителей Фантастики. У нас тогда считалось хорошим тоном цитировать Стругацких и к месту и не к месту. Сколько лет прошло, а былые привычки нет-нет, да и напоят о себе.

Особенно, если ситуация способствует...

Я вышел в коридор, аккуратно притворив дверь. Пальцы крепко прижимали к груди «заккурапию», но я все равно ощущал, как они противно дрожат.

А как не задрожать? Не каждый день вызывают в ФСБ; не каждый день старый друг, которого знаешь не первый десяток лет, ошеломляет известием: да, Министерство Обороны и ФСБ разрабатывают проект путешествий во времени. И – да, я приглашен в этот проект в качестве...

«... понять бы еще – в каком?»

Подтянутый, сержант проверил пропуск, паспорт, взгляделся в мою физиономию, придиричливо сверяя ее с фотографией. Я беспомощно улыбнулся и развел руками: что поделать, если в сорок пять я имел глупость запечатлеться на паспорт в бороде, а потом избавился от этого аксессуара?

Сержант пролистал «заккурапию», сверил номера на штампах с тем, что написан в документе. Помедлил, взял под козырек и нажал кнопку, открывая турникет.

Я стоял у самого края тротуара, спиной к высоченным дверям. Машины сплошным потоком огибали холм-клумбу, на которой когда-то возвышалась статуя Железного Феликса.

Мимо пронеслась стайка подростков. Один из них водил перед собой смартфоном, другие громко хихикали, тыча пальцами в бордовый гранит цоколя. Ловцы покемонов считают особой крутью сцапать анимешную тварюшку именно здесь.

Интересно, хоть один вспомнит, чем знаменит год 1854-й год от Рождества Христова?

Я проводил взглядом охотников на карманных монстриков и пошел к метро, на ходу листая папку. Дрон прав – даже одержимцы из «Космопоиска» не поверят, что Министерство Обороны строит машину времени и намерено переписать историю. И привлекает к этому незаменного эксперта, знатока альтернативной истории и попаданческой фантастики.

То есть меня.

А я сам поверил бы? Только честно? И сейчас верю?

«...ох, не похоже. А с другой стороны – куда денешься?»

Я раскрыл "заккурапию". Двуглавый коронованный орел на титульном листе. Казенный лиловый штамп на каждом из документов.

Что ж, добро пожаловать в «проект К 18–54». Для посвященных, к числу которых отныне принадлежу и я – «Крым, 1854-го года».

Тот самый Крым.

Тот самый год. «...может, я все еще сплю?»

II

1916-й год, февраль.

окрестности Зонгулдака

лейтенант Реймонд фон Эссен

*С теплых коек оторвавши
Заспанных господ,
В бардаках людей собравши,
Гонят их в поход.
В Зонгулдак идем, наверно,
В Зонгулдаке очень скверно...
Зонгулдак, Зонгулдак,
Нам бы лучше всем в кабак...*

На Черноморском флоте на свой манер переделали балтийскую песенку. Турецкий порт Зонгулдак, может, и не был нервным центром морского театра, каким стал Моонзунд в семнадцатом на Балтике, но на протяжении всей войны исправно приковывал к себе внимание. Требовалось препятствовать морским перевозкам для снабжения турецкой армии и флота, и прежде всего, прервать подвоз угля морским путем к Босфору из Зонгулдака, центра турецкой угледобычи. Оттуда же снабжался Константинополь, а, поскольку турецкие железные дороги пребывали в зачаточном состоянии, «черное золото» доставляли в столицу Османской империи морем.

Выполняя директиву ставки, Черноморский флот не раз обстреливал Зонгулдак. Боевые корабли перехватывали и топили транспорта и парусники, громили артогнем портовое оборудование. Но турки продолжали возить уголь: шахты, укрытые прибрежными возвышенностями от огня с моря, оказались недоступны калибрам русских линкоров, а что причалы порушены – так долго ли восстановить? Снаряды сносили краны и пандусы, но турки будто и не замечали – уголь в трюмы сыпали по старинке, из мешков. Бедолаг, готовых горбатиться за ячменную лепешку в день, хватало.

Первого февраля шестнадцатого года с эсминца, несшего службу по блокаде Зонгулдака, дали радио: «В порту замечен большой пароход под погрузкой». Командир дивизиона сгоряча вызвался прорваться в гавань и потопить угольщик ко всем чертям нравом миноносники отличались буйным и мало ценили свои головы. Начальство же на риск не решилось, тем более, что пароход оказался транспортом «Ирмингард», не раз удиравшим от русских кораблей.

Упускать хитрого турка не хотелось, и флотское командование дало старт давно задуманной операции. На этот раз по Зонгулдаку решили ударить с воздуха.

Через три дня, пятого февраля, «Поспешный» и «Громкий», форсируя обороты, понеслись к Зонгулдаку. Им предстояло отстучать кодом Морзе прогноз погоды для ожидающих в Севастополе кораблей.

Авиаматки «Алмаз», «Александр I» и «Николай I» вышли в сопровождении целой эскадры: крейсер «Кагул», миноносцы «Заветный» и «Завидный» (угольные старички доцу-

симской постройки), и новенький линкор «Императрица Мария». Но главный удар предстояло нанести не ее двенадцатидюймовкам. В двадцати милях от Зонгулдака авиатранспорты выпускают гидропланы – и посмотрим, как запоют османы, которые, как полагали российские пилоты, видели такую технику только на картинках!

Лихие мичмана и лейтенанты ошибались. Когда летающие лодки одна за другой пробили низкую облачность и вышли на цель, их встретил зенитный огонь. Турецкие батареи крыли шрапнелью на предельных углах возвышения; уклоняясь от ватных комков, испятнавших небо над гаванью, пилоты вынуждены были набирать высоту. В «Ирмингард» угодила только одна бомба из трех с половиной сотен, но хватило и ее – пароход загорелся и сел на грунт прямо у причальной стенки. Рядом весело пылала парусная шхуна, занялись пожары и на берегу. Лейтенант Реймонд фон Эссен, командир авиаотряда «Александра I-го», на обратном пути даже запел – до того весело стало на душе после лихого дела. Концерта, правда не получилось – единственный слушатель, летнаб Кобылин, вряд ли разобрал что-то за тарахтеньем стосильного «Гном-Моносупа». Лейтенант слегка погрузился по этому поводу – петь он любил, хотя и был, по общему мнению, начисто лишен слуха, – и принялся сочинять рапорт:

«Доношу Вашему Высокоблагородію, что сего 24-го января получивъ Ваше приказаніе бомбардировать Зонгулдакъ, и если пѣсть тамъ за моломъ стояцій большой пароходъ, то и его. Въ 10 часовъ 27 минутъ я первымъ полетѣлъ на аппаратъ № 37 на Зонгулдакъ, имѣя наблюдателя- моториста I статьи Кобылина, взявъ съ собой на аппаратъ двѣ пудовыя и двѣ десятифунтовыя бомбы. Подлетая къ Зонгулдаку, я увидѣлъ въ гавани за моломъ, стояцій носомъ къ выходу, большой однотрубный двухмачтовый пароходъ, который сильно дымилъ. Сдѣлавъ надъ городомъ и гаванью на высотъ 900—1100 метровъ три круга, мой наблюдатель сбросилъ всѣ четыре бомбы. Первая, пудовая, сброшенная по пароходу разорвалась на молу, впереди носа. Вторая, десятифунтовая, упала за кормой парохода среди стоявшихъ лайбъ и произведя на одной изъ нихъ пожаръ. Третья, пудовая, сброшена по желѣзнодорожному узлу, попавъ въ большое бѣлое зданіе. Четвертая упала на берегъ за кормой парохода. На горкѣ около Килимли замѣчены рядъ бѣлыхъ дымковъ, по-видимому, стрѣляющей батареи...»

Летающая лодка с большими белыми цифрами «32», на носу, пристроилась к аппарату Эссена. Сидящий слева в кабине, наблюдатель, прапорщик князь Лобанов-Ростовский, сорвал шлем и помахал командиру отряда. Эссен в ответ качнул плечистыми. Прапорщик улыбался во все тридцать два зуба; набегающий поток воздуха трепал русую шевелюру. Экипаж «тридцать второй» сегодня герои дня – это их бомба разворотила палубу парохода возле дымовой трубы.

За «тридцать второй» к фон Эссену пристроились и остальные. С трех авиаматов для удара по Зонгулдаку сгрузили на воду семнадцать летающих лодок М-5. Три не долетели, сели на воду из-за поломок, и теперь экипажи куковали, покачиваясь на мелкой черноморской зыби, в ожидании миноносцев. Сейчас за командирским гидропланом неровным строем пеленга шли тринадцать аппаратов. Задание выполнено, и выполнено блестяще домой!

III

2016 год.

Москва, Лубянка,

зданіе ФСБ.

Сергей Велесов, писатель.

Комната ничем не походила на Дронов кабинет. Там привычная контора, мебель советских времен, крепкая, скучная, способная вызвать ностальгию у представителя моего поколения. Здесь же – просторный, низкий зальчик без окон, освещенный скрытыми в стенах светодиодными лампами; на прозрачных, из закаленного декоративного стекла, столешницах соки, «черноголовский» тархун, блокноты в коже с символикой МО и ФСБ. Одна стена целиком занята плазменной панелью.

Погоны носят двое – коренастый, краснолицый генерал- лейтенант с авиационными петлицами и невыносимо элегантный капитан первого ранга. Оба демократично сняли кители и оставались в форменных рубашках. Обстановка радует неформальностью, словно я оказался в конференц-зале делового центра, а не в самом сердце главной спецслужбы страны.

Штатских двое – высокий, моих лет, мужчина атлетического сложения и сухонький, профессорского вида, дедок. Над карманом пиджака скромно пристроилась бордовая колодка ордена «За заслуги перед Отечеством». «Профессор» поприветствовал меня дружелюбно, хотя и суховаато. А ведь он, похоже, старший? Интересное кино... то есть тут заправляют не одни военные?

«Профессор» по очереди назвал присутствующих. Генерал- лейтенант Фомченко – куратор Проекта от Минобороны; кап-раз, Куроедов Константин Валентинович – начальником экспедиции. Верзила в штатском, носящий фамилию Сазонов, был представлен как куроедовский зам, кандидат исторических наук. Я его узнал, даже вспомнил доклад по политике Николая Первого перед Крымской войной. Что и говорить, серьезный специалист...

«Профессор» и правда оказался профессором – доктором физматнаук Груздевым, научным руководителем Проекта. Ага, прикинул я, если он «зам по науке», а Фомченко – куратор от ведомства Шойгу, но кто возглавляет лавочку? Может быть, САМ? Почему бы и нет, кстати – тема в самый раз для *личного* контроля...

Меня профессор не счел нужным представлять – видимо, все и так были в курсе.

– Мы пригласили вас несколько позже, чем предполагалось, – начал он. – Конечно, за столь короткий срок вы вряд ли смогли составить представление о нашем... мнэ-э-э... проекте...

– Это и ни к чему, – проворчал генерал. – Товарищу предоставлена информация в пределах его компетенции. С остальным он будет ознакомлен, так сказать, в процессе.

Мне стало слегка не по себе. Эти четверо играли в другой лиге, слишком крутой для не слишком известного фантаста, и решительно неясно, что я делаю в такой компании. Но ничего, мы еще подвергаем вибриссами...

– Вы правы, Николай Антонович, – согласился Груздев. – Итак, раз уж вы, Сергей Борисович, любезно приняли наше предложение, я считаю необходимым объяснить, чем мы руководствовались, приглашая вас. Прошу вас, Аркадий Анатольевич...

«...он что, мысли читает?»

Сазонов откашлялся:

– Если опустить детали: в нашей команде необходим игрок... скажем так, с нестандартным видением ситуации. Наши специалисты, и я в том числе, слишком... как бы это сказать... зашорены, что ли? Над ними довлеет известное утверждение о том, что у истории нет сослагательного наклонения». А для вас оно есть, и Андрей Владимирович убедил нас, что подобный образ мышления может оказаться полезен.

– Вы ведь офицер? – снова встрял Фомченко.

"... а то ты не знаешь!"

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант! Капитан запаса, ВУС 461003.

– Эксплуатация и ремонт авиадвигателей? А где служили, капитан?

«...капитан? Я что, уже мобилизован?»

– Проходил службу после окончания ВУЗа, товарищ генерал- лейтенант. Двадцать восьмой гвардейский истребительный полк ПВО, аэродром Андреаполь.

– Берегли, значит, небо столицы? Полковник Горбатов... как же, помню Василь Василича. Хороший мужик, наше, Ставропольское училище... Что ж, удачно, что вы и в технике разбираетесь.

– Я пошел в армию после энергофизического факультета МЭИ. После демобилизации по специальности не работал. Девяностые, сами понимаете...

Генерал посуровел лицом и заложил руки за спину.

– Да, мы в курсе, Сергей Борисович, что вы сейчас скорее, историк-любитель и литератор. – прервал неловкую паузу Сазонов. И нужны вы нам именно в таком качестве. Инженеров в Проекте хватает, как и профессиональных историков. Это отличные специалисты, но они... недостаточно безумны, что ли? Воображения порой не хватает. Вот и решили пригласить вас – на всякий случай, так сказать. К тому же, Андрей Владимирович дает вам самые лестные рекомендации.

Я покосился на Дрона. Он украдкой подмигнул – давай мол, не тушуйся!

– ... и вы хорошо ориентируетесь в интересующем нас историческом периоде, не так ли? – продолжал Сазонов.

– У меня есть две монографии о британском флоте в Крымской кампании, – осторожно ответил я. – Одна по организации службы винтовых линкоров, а вторая...

– Я в курсе, – мягко прервал историк. – А еще вам случилось однажды поучаствовать в одном интернет-проекте на тему альтернативной Крымской войны. Думаю, вы не слишком удивитесь, когда узнаете, что в дискуссии участвовал и наш... хм... специалист. Кстати, он высоко оценил вашу эрудицию и склонность к нестандартным решениям...

«...нет, но каковы прохвосты! Не удивлюсь, если то обсуждение было запущено «товарищами» из Проекта К 18–54...»

Беседа продолжалась еще минут пять. Потом объявили рабочий перерыв, и мы с Дроном отошли к угловому столику. Я прихлебывал апельсиновый сок и удивлялся про себя. Выходит, неформальные брифинги бывают не только в голливудских фильмах? И наши вояки тоже научились привлекать толковых спецов, пусть и без погон? Ну, дай бог, бай бог...

Дрон выглядел каким-то смурным. Я ожидал, что он заговорит о своей роли в Проекте, но нет – пил маленькими глоточками сок и молчал.

– Слушай, а ты тоже туда отправишься?

Старый друг поскущел еще больше.

– Увы, нет. На мне тут... ну, да неважно. Вернешься расскажешь.

«...вот оно что! Ясно, откуда этот минор...»

– Товарищи, соблюдаем режим секретности! – строго прогудел от соседнего столика генерал. Он, видимо, не признавал перерывов, пусть даже и рабочих. – По возвращении экспедиции будет решено, какие материалы подлежат ознакомлению, а какие – нет. Прошу не забывать об этом, Андрей Владимирович!

Я украдкой развел руками – что поделаешь?

Дрон в ответ криво улыбнулся. Казалось, он только что по- настоящему осознал: я-то увижу своими глазами то, о чем мы с ним мечтали столько лет, а ему придется довольствоваться тем, что «подлежит ознакомлению».

– И все же, неясно... – продолжал я вполголоса. Фомченко настороже, вон как ворочает локаторами! – Зачем вам перекраивать время? Если верить Брэдбери, это сотрет нашу реальность...

Дрон поморщился и украдкой скосил глаз на генерала.

– Я сам не очень в курсе. Вот отправитесь – Аркадий тебе все в деталях распишет. Концепция параллельных пространств, что-то из теории струн. Это не наша история, понимаешь?

Что бы вы там не поменяли, здесь ровным счетом ничего не изменится. Короче, я сам толком не разобрался, некогда было...

«...некогда? Некогда разобраться в *таком* деле? Крутит старый друг, ох, крутит... нет, ничего я не добьюсь, пока не окажусь на *той* стороне. А там уж и разглашать будет некому.

IV

1916-й год, февраль.

В 20-ти милях от Зонгулдака

лейтенант Реймонд фон Эссен

Погода на Черном море переменчива. Вот и сейчас она подкинула малоприятный сюрприз – подлетая к точке randеву, Эссен обнаружил, что «Александр I» и «Николай I» попали в полосу дождевых шквалов. Аппараты с «Алмаза» несколько минут назад покинули строй и ушли к зюйду, где в легкой дымке виднелся силуэт гидрокрейсера. А вот две других авиаматки прятались за серо-свинцовой полосой непогоды.

Кажется, пустяк, получаса не пойдет, как над "Александром" и "Николаем" откроется чистое небо. Но этих тридцати минут не было – моторы дохлебывали со дна баков последние капли газолиновой смеси. Можно, конечно, сесть на воду – на авиаматках скоро заволнуются и вышлют на поиски миноносца. Но болтаться в открытом море, ожидая помощь – удовольствие маленькое.

Оставался единственный вариант. Эссен дважды качнул плоскостями – «следуй за мной!» – и повернул на зюйд, к «Алмазу». Не беда: сядем, заправимся, а том, глядишь, распогодится.

Маневр повторили три гидроплана – номер 32 Марченко и Лобанова-Ростовского, и номер 18, прапорщика Корниловича. Остальные вразнобой покачали крыльями в ответ, и пилот аппарата 27, мичман Малышев провел большим пальцем по горлу и ткнул вниз. «Совсем пустые, – понял Эссен. – Ладно, пусть садятся, надо будет сразу послать «Заветного», пусть дотянет на буксире...»

До «Алмаза» долетели быстро. С гидрокрейсера пустили ракету, обозначая направление посадки; в стороне, кабельтовых в трех, лениво дымил «Заветный», приписанный на время набега к «Алмазу». На траверзе миноносца держался большой пароход, по виду турецкий угольщик. Когда авиагруппа уходила на задание, его здесь не было; похоже, миноносники не теряли времени даром. Теперь «приз» отведут в Севастополь – судя по глубокой посадке, «турок» под завязку гружен дрянным зонгулдакским углем.

Гидроплан с номером 37 на фюзеляже подрулил к борту. С авиаматки тут же выставили выстрел. Эссену очень хотелось заправиться и немедленно взлетать. Но это, конечно, не имело смысла: долить в баки газолина – дело минутное, но пока будут возиться со шлангами, мотористы осмотрят аппараты и наверняка найдется какая-нибудь мелкая неполадка, а там... В общем, проще дожидаться «Александра» здесь.

Он как в воду глядел. Не прошло и пяти минут, как Кобылин заявил, что клапан третьего цилиндра ему не нравится, и забренчал инструментами, куроча несчастный «Гном».

Эссен уже поставил ногу на балясину штормтрапа, когда с «Алмаза» заорали «Мина, мина!». Кобылин взмахнул руками, уронил французский ключ и чуть не полетел в воду. Лейтенант перегнулся через борт и покрылся холодным потом – в гидроплан, как поросенок в свиноматку, уткнулась тупорылая торпеда. Видимо, ее пустили со слишком большой дистанции – смертоносная сигара исчерпала запас хода и теперь не шевелилась. Эссен, внутренне обмирая, – а ну, как рванет! – ногой отпихнул взрывчатую гостью.

Кобылин длинно, матерно выругался. На палубе гидрокрейсера сустились люди; кто-то выпустил ручную сигнальную ракету, указывая положение субмарины.

– Взлетаем на восьми! – заорал Эссен. Наблюдатель крутанул пропеллер, мотор застрелял, плюнул дымом и касторовой вонью. Горячее масло веером брызнуло во все стороны, и лейтенант поморщился – вращающийся вместе с пропеллером блок цилиндров «Гнома» исправно выдавал такой вот масляный душ. При расходе масла десять литров в час, видок у гидроплана получался еще тот, да и пилотская куртка навечно впитывала запах горелой касторки.

Кобылин, хватаясь за растяжки, перелез через командира, плюхнулся на левое сиденье, и М-5, лихо развернувшись, пошла на взлет.

Подлодку отогнали быстро. Корнилович кружил над субмариной и пускал сигнальные ракеты. Эссен подивился – до сих пор он лишь читал о том, как британские пилоты находят субмарины в подводном положении, а тут на тебе: наблюдатель Корниловича, подпоручик по адмиралтейству Бушмарин тоже сподобился! Пожалуй, из российских авиаторов он первый, кому это удалось.

«Заветный», отчаянно дымя, ходил короткими зигзагами и сбрасывал подрывные заряды. Вода вспучивалась в кильватерной струе пенным горбом, горб лопался столбом брызг. «Алмаз» тоже дал ход, его двадцатимиллиметровки захлопали, вспарывая воду «ныряющими» снарядами. Аппарат Марченко и Лобанова-Ростовского так и не взлетел, и теперь беспомощно раскачивался на разведенной волне. Эссен увидел, что князь встал в полный рост, и азартно размахивает руками.

Субмарина сумела уйти. Аппараты долго кружили вокруг кораблей, высматривая под волнами продолговатую тень, но тщетно. Оставалось только подивиться невероятному стечению обстоятельств. Фон Эссен помахал рукой пристроившемуся справа Корниловичу, прислушался к звуку мотора и поморщился. «Гном» тарахтел на непривычных тонах – восемь цилиндров вместо девяти, куда там...

А ведь еще аппараты «николаевской» авиагруппы, вспомнил лейтенант. В суматохе о них забыли, а погода, кажется, портится. Надо поторопить «Заветного», а и до беды недалеко. Субмарина все одно, улизнула, а гидроплан – сооружение хрупкое, волны в два счета разломают его фанерный корпус.

Да и о себе пора подумать – сверху хорошо видно, как волны то там, то здесь, вспениваются барашками. Еще немного, и посадка станет опасной...

Глава вторая

I

2016-й год

В 20 милях

от Балаклавской бухты.

ПСКР «Адамант»

Сергей Велесов, писатель

Кораблик оказался хорош. Изыщно-угловатый, построенный по последней стелс-модели, «Адамант» радует глаз синими-белыми, с полосой триколора, цветами береговой охраны, и это резко выделяет его на фоне шаровой краски боевых единиц ВМФ.

Я вальяжно опираюсь на леер, обозревая окружающий пейзаж, в основном, состоящий из воды и облачной мути. Я впервые оказался на настоящем военном судне – пограничные «Ярославцы», на которых я когда-то катался по Белому морю, в счет не шли. Имелся, правда, солидный «парусный» стаж – но где соломбальская «дорка», пусть и вооруженная под гафельную шхуну, а где боевой корабль?

А вот там, куда предстоит отправиться, боевые парусники еще в ходу.

В миле от «Адаманта», мористее, стоит большой десантный корабль проекта 775 «Можайск». На правой его раковине низкий силуэт – малый противолодочник «Помор». Им предстоит совершить нечто из репертуара научной фантастики: установка «Пробой», смонтированная на «Академике Макееве» должна создать то, что физики Проекта называют «воронка перехода». Из их объяснений я понял только, что некие "вихревые поля" образуют гигантский конус, в пределах которого можно произвольно менять метрику пространства-времени. Энергии сей процесс потребляет немеряно; для этого на спешно достроенный морской транспорт вооружений проекта 20118ТВ втиснули ядерный реактор, снятый с подводной лодки. Место штатного крана занял громоздкий, почти вровень с рубкой, тор вихревого генератора. Он раза в полтора перекрывает ширину судна в миделе, сильно выступая за габариты бортов, и это придавало транспорту нелепый вид теплохода, устешествляемого звездолетом пришельцев. Как военные скрыли секретную начинку во время перехода с Северов – остается только гадать. Местные остряки немедленно прозвали это сооружение ЦЕРН-ом; сейчас "Макеев"-ЦЕРН держится милях в трех мористее "Адаманта", и его белый силуэт сливается с облачной пеленой на горизонте.

Сам эксперимент начался еще вчера. «Пробой», прежде чем сформировать «воронку перехода», предстоит выйти на рабочий режим – «раскошегариться», – а на это требуется часов тридцать. До «часа Ч» остается около полусуток, и нервы у всех участников Проекта натянуты, как струны.

Погода портится, и это не каприз природы – насыщенные энергией вихревые поля «Пробоя» влияют на состояние атмосферы. Из космоса все это выглядит, как странная метеорологическая аномалия – кольцевой облачный фронт, диаметром в двадцать морских миль, постепенно стягивающийся к центру.

Район проведения эксперимента объявили зоной «внезапных военно-морских учений». Авиадиспетчеры уводят гражданские борты в сторону; пограничные катера блокируют прилегающую акваторию. Вокруг на много миль – ни самолета, ни судна, ни лодочки, и мы физически ощущаем накрывший корабли купол отчуждения.

Это походит на глаз урагана: туманные стены несутся по кругу, струятся, образуя непривычные глазу облачные потоки. Массы облаков вращаются против часовой стрелки: физики

утверждают, что в их мутно-серой стене, отказывает любая электроника, вязнут лучи радаров, лазерные пучки, ультразвуковое излучение и еще, неведь что. Этот побочный эффект Проекта тоже интересует военных: согласно строго засекреченной легенде, флот, под прикрытием «внезапных учений», испытывает новейшую систему электронной маскировки. Даже вездесущие спутники не могут заглянуть в центр облачного «бублика», настолько сильны загадочные помехи.

На ПСКР «Адамант» сейчас располагается временный штаб Проекта «К-18-54». Ему, как и «Академику Макееву», предстоит остаться в XXI-м веке. А вот «Можайск» и «Помора» ждет бросок на сто шестьдесят два года сквозь время, в прошлое. Профессор Груздев уверяет, что корабли экспедиции выйдут из воронки перехода четырнадцатого апреля 1854-го года, милях в двадцати. А через восемь, двадцать второго апреля (десятого по старому стилю) дней англо-французская эскадра появится возле Одессы.

Что ж, памятник Дюку рискует лишиться своей главной достопримечательности – ядра, застрявшего в гранитном цоколе. Вряд союзникам будет до пальбы по городу: девять деревянных кораблей против скорострелок БДК, торпед и РБУ «Помора» – о чем тут говорить?

II

1916-й год, февраль.

Недалеко от Зонгулдака

Подводная лодка UB-7

обер-лейтенант цур зее

Ганс Лютийоганн

Подводная лодка никуда не ушла. Ее командир проявил редкое даже для подводников Кайзермарине хладнокровие – вместо того, чтобы уходить прочь от русского гидрокрейсера и почти наверняка погибнуть, обер-лейтенант цур зее Ганс Лютийоганн скомандовал идти на сближение. И пока миноносец бросал подрывные заряды в стороне от авиаматки – отсиделся чуть ли не под килем угольщика. Риск был страшный: UB-7 могли заметить возвращавшиеся гидропланы, но расчет строился на том, что авиаторы будут думать о посадке, а не о поисках.

Аккумуляторы опустели почти наполовину, воздух в отсеках стал ощутимо спертым, но капитан скомандовал затаиться и ждать. Службы гидроакустики на русских кораблях отродясь не было, так что Лютийоганн был настроен оптимистично. Лишь бы дотерпеть, когда гидрокрейсер начнет принимать самолеты, и тогда он снова сделается великолепной целью. В аппаратах две торпеды, и на этот раз промаха не случится – стрелять они будут с pistolетной дистанции, в упор.

Томительно тянулись минуты. Лютийоганн ничего не объяснял, да это и не требовалось – подчиненные дисциплинированно молчали. – Поднять перископ!

Стоит кому-то заметить роковую черточку в волнах, и лодка обречена. Но, Бог, видимо, еще хранил храбрецов; когда UB-7 выставила над волнами глаз, обер-лейтенант увидел в десятке саженей борт турецкого парохода, весь в потеках ржавчины. Почти в створе с угольщиком, кабельтовых в трех, дымила авиаматка, и командир субмарины ясно различал суету на палубе – русские поднимали с воды летающую лодку. Лютийоганн, не отрываясь от гуттаперчевого наглазника, важно произнес: «Зо...» Подводники повеселели – "старик" доволен, все хорошо!

– Готовить торпеды!

События пошли по отработанному сценарию. Не прошло и пяти минут, как перед обер-лейтенантом вспыхнули две зеленые лампочки.

– Подготовиться к запуску!

– Трубы готовы, господин лейтенант!

Лютйоганн поднимал перископ на краткие мгновения, опасаясь бдительности сигнальщиков. Хотя, это маловероятно – пароход затруднял наблюдение, да и перископ не выдавал себя предательским буруном.

Командир задумался. Цель неподвижна, дистанция прямого выстрела – условия идеальны. Стреляем одной торпедой, этой посудине хватит. А потом – лево руля, малый вперед и укрыться за угольщиком. Промахнуться на такой дистанции решительно невозможно. Миноносец, конечно, будет спасать команду гидрокрейсера – и превратится в мишень для последней торпеды. А когда он получит свое, можно всплыть и потопить подрывными зарядами пароход. Ганс Лютйоганн, не кровожаден и позволит команде погрузиться в шлюпки. До турецкого берега миль двадцать, жить захотят – догребут. А там уж турки о них позаботятся.

Обер-лейтенант изложил план атаки. Старший торпедист Отто Хахн кивнул, откинул колпачок, закрывающий кнопку выстрела первой торпеды и приготовился нажать, как только услышит приказ.

– Поднять перископ!

Авиаматка оказалась там, где ей и надлежало быть – почти в перекрестии черных нитей. Пожалуй, стоит немного сместиться, чтобы после залпа сразу нырнуть под пароход.

– Самый малый!

UB-7 провернула винт и поползла вперед.

III

2016-й г. Черное море,

Район операции

Сергей Велесов, писатель

– Итак, Сергей Борисыч, мы желаем вам удачи. И очень рассчитываем на ваш... мнэ-э-э... нетипичный подход. На ваше, так сказать, видение...

И снова принялся протирать очки. Я уже знал, что это своего рода знак: профессор в растерянности.

Фомченко поморщился. Он не одобрял изменений в командной цепочке: хоть начальником экспедиции и оставался капитан первого ранга Куроедов, но теперь при нем возник «консультативного штаб» из трех человек, с которым кап-раз должен согласовывать любые серьезные решения. В этот штаб вошли бывший куроедовский зам. по науке Сазонов, майор ФСБ Привалов, отвечающий за «информационное обеспечение» Проекта и... ваш покорный слуга. Этого генерал уж никак не мог понять: ну ладно Привалов – все же майор, разведчик. Но, чтобы Сазонов, ученый-гуманитарий, утверждал приказы военных? И уж тем более, не мог Фомченко принять мое назначение: альтернативная история, фантастика, – как можно доверять серьезные дела человеку, занимающемуся такой ерундой?

Дрон намекнул: в Москве опасаются, что военное руководство может наломать дров, и тот, кто принимает окончательные решения (при этих словах он многозначительно хмыкнул и ткнул пальцем вверх), не рискнул доверить судьбу Проекта одним лишь носителям прямолинейной армейской логики.

Я узнал о своем новом статусе уже в море, на борту «Адаманта». Остальные члены экспедиции уже сидели на «Можайске», а меня задержали – научный руководитель проекта хотел лично убедиться, что новичок осознает всю меру возложенной на него ответственности.

Я постарался его не разочаровать: порассуждал о пользе взвешенного подхода к действиям в прошлом, об учете исторических последствий... и тэдэ и тэпэ. Профессор, мелко кивал, изредка поддакивая, а генерал постепенно мрачнел. Уверен мечтал, чтобы я свалился с трапа, сломал ногу, и тогда можно будет заменить меня на кого-то, внушающего доверие.

Но – не судьба. Выслушав положенные напутствия, я спустился в пришвартованный к борту катер и принял у матроса ярко-оранжевый непромокаемый баул.

Разъездным судном при «Адаманте» служила изящная моторка в стиле «ретро»: тиковая палуба, штурвал с отполированными ручками, надраенная до солнечного блеска бронза, кранцы – не пошлые покрывки, а нарядные сизалевые плетенки. Я засунул под банку баул и устроился поудобнее.

Кроме форменного барахла, личных вещей и ноутбука, я упаковал в баул имущество, положенное мне, как члену «консультационного штаба»: планшет с доступом к бортовой сетке «Можайска», папку с документами и рацию – цифровую модель со встроенным шифрованием. Кроме мануала, гарнитуры и блока питания, к ней прилагается гармошка фотоэлементного зарядного устройства. При необходимости, от него можно зарядить и планшет, и ноутбук.

Таких комплектов в бауле целых три. Один мой; два предназначены Сазонову с Приваловым, моим коллегам по «консультационному штабу».

Катерок пробежал четверть расстояния до «Можайска», когда ожила рация рулевого:

– Сто третий, сто третий, вызывает «Адамант»!

«Сто третий» – это я. Члены «консультационного штаба» получили личные позывные – Сазонов был «сто первым», «Привалов «сто вторым», ну а мне досталась счастливая тройка.

Я принял у старшины переговорник на длинном спиральном шнуре.

– Центр, сто третий на связи, прием!

– Сто третий, немедленно возвращайтесь, как поняли, прием!

Возвращаться? Что за дела? Начальству, конечно, виднее, но спросить-то я имею право?

– Центр, я сто третий, не понял. В чем дело?

На этот раз рация отзывалась голосом профессора:

– Сергей Борисыч, голубчик, с «Макеева» сообщают – с «Пробоем» какие-то нелады, аномалия воронки... Да вы на небо посмотрите, сами увид...

И – матерный рев Фомченко:

– Мать вашу... профессор... канал на... незащищенный, НЕМЕДЛЕННО отставить... в эфире!

А ведь профессор прав: вокруг как-то сразу потемнело, будто наступил вечер. Я посмотрел вверх и похолодел.

Только что чистое небо стремительно затягивало жгутами облаков. Серо-лиловые, они отлипали от пелены, закрывающей горизонт, и створками лепестковой диафрагмы, сходились в зените. Ярко-голубой кружок стремительно уменьшался, и в тот момент, когда он пропал, из центра клокочущей лиловой мути во все стороны брызнули ветвистые молнии. На моторку обрушился акустический удар такой силы, будто мир раскололся пополам, а мы оказались точно на линии разлома...

IV

Где-то в вихрях времен.

...тьма навалилась со всех сторон. Аппарат увяз в мутном лиловом киселе – М-5 кружило, мотало, переворачивало в замедленном кинематографическом темпе. И – ни звука, словно во сне, или горячечном бреде, вызванном инфлюэнцей.

... выпали из лилового НИЧТО, и сразу воздух вокруг заревел, перекрывая стрекот «Гнома». Гидроплан встал на нос, повалился в бездонную яму; Эссен тянул штурвал на себя, не в силах понять, где верх, а где низ. Чувства отказывали; поверхность моря, сплошь в пенных полосах шквалов, мелькала то внизу, то по сторонам, то над головой. В какой-то момент лейтенант с ужасом увидел, как ударился о воду аппарат Корниловича – сначала плоскостью, потом носом, и заскакал по волнам подобно сорвавшимся с оси крыльям ветряной мельницы.

Шквал прекратился внезапно, так же, как и начался. Эссен выровнял машину над самой водой, чикнул по гребню волны, и подскочил вверх. Лиловая муть пропала, будто ее и не было; в отдалении дымили корабли, и на грузовой стреле «Алмаза» все еще раскачивался гидроплан с белыми цифрами 32 на фюзеляже.

Эссена била мелкая дрожь; справа ворочался и матерился Кобылин. Лейтенант пхнул летнаба локтем, и, когда тот обернул к пилоту белое, без кровинки лицо, ткнул вниз – «идем на посадку!»

...перекрестье нитей легло под переднюю трубу. «Пли» скомандовал Лютийоганн, и в этот момент лодка содрогнулась от страшного удара. Палуба вздыбилась; люди валялись друг на друга, отчаянно цепляясь за штурвальчики, рукоятки, трубы. «Эсминец? успел подумать обер-лейтенант. – Подкрался незаметно и протаранил? Глубина – всего ничего, вполне мог...

Новый удар, подводники разлетаются, будто сбитые шаром кегли. На мгновение лодка выровнялась, и Лютийоганн, чудом устоявший на ногах, почувствовал, что UB-7 вращается, словно в гигантском водовороте. Обер-лейтенант вцепился в обтянутые кожей ручки и припал к перископу. Последнее, что он успел увидеть – это надвигающийся из лиловой мути борт турецкого угольщика. Снова удар, сильнее прежних, оглушительный скрежет сминающегося металла. Ганса Лютийоганна оторвало от перископа и швырнуло спиной на борт, утыканный штурвалами клапанов затопления. Плечо пронзила острая боль, и в тот же момент на голову ему хлынул поток морской воды.

...клокочущие небеса обрушились на катер; под аккомпанемент треска дерева, я увидел черно-лиловый, просвеченный насквозь странными, кольцевыми молниями, вихрь, накрывающий «Адамант». Динамик поперхнулся отчаянным генеральским воплем: «...третий, назад! Назад, мать тво...» – и все пропало в клокочущем *нигде*. Разум мучительно сопротивлялся этому *нигде*, пытался вырваться, будто муха, влипшая в тягучее безвременье, где на самое простое движение может уйти... час? Век? Геологическая эпоха? Звуки слились в протяжный стон, утробный, низкий, почти неслышный – и вместе с тем, такой чудовищный, что барабанные перепонки вот-вот сомкнутся внутри черепа.

... и отпустило... Из последних сил я примотал себя поперек поясницы к банке попавшимся под руку шнуром и отключился.

Глава третья

I

*Сразу после Переноса.
Летающая лодка М-5
бортовой номер 37
лейтенант Реймонд фон Эссен*

Аппарат захлопал фанерным днищем по гребням волн. Эссен привычно удержался на прямой, подождал, пока упадет скорость, и на малых оборотах подрулил к торчащему из воды хвостовому оперению. Корнилович сидел на стойке крыла. Эссен удивился: пилот без куртки, китель распахнут – а ведь на дворе февраль, и утром было не больше плюс семи по Цельсию...»

Плюс семь? Лейтенант вдруг понял, что обливается потом. И нервы тут ни при чем – ему просто жарко. Солнечные блески весело играли на мелкой ряби, отскакивали от прозрачного козырька кокпита, ласкали перкаль обшивки. Лейтенант стянул перчатку, перегнулся через борт и опустил пальцы в воду. Теплая, хоть купайся... Эссен поднял голову и встретился взглядом с Кобылиным.

Наблюдатель пожал плечами; физиономия у него была красная, распаренная, несмотря на то, что Кобылин успел уже стащить кожаную, на меху, куртку.

«Февраль, значит?»

Лейтенант чуть добавил оборотов; «Гном» зафыркал восемью исправными цилиндрами, и гидроплан подрулил к аппарату Корниловича.

Перекрикивая треск мотора, мичман поведал, что сам он цел (несколько ссадин не в счет); что Володя Бушмарин, вылетел из кабины при ударе о воду и утонул; что носовая часть отломилась и тоже пошла ко дну, а то, что осталось надо бы зацепить тросом и оттащить к авиаматке. Эссен полез за швартовым концом, и его спину, затянутую толстой коричневой кожей, припекало отнюдь не зимнее солнце.

Зашипело, хлопнуло. Вверх, рассыпая искры, метнулась сигнальная ракета и повисла над гидропланом комком красного огня. И еще ракета, и еще – Кобылин пускал одну за другой, обозначая место посадки. Фон Эссен скосил глаза на часы, вделанные в приборный щиток. До кораблей недалеко, самое большее, через четверть часа подойдет миноносец и извлечет обломки из воды. Аппарат, конечно, восстановлению не подлежит, а вот мотор, за который заплачено русским золотом, можно перебрать и снова ввести в строй. Или хотя бы разобрать на запчасти, которых все время не хватает.

И все же – что за ерунда? Бездонная голубизна неба, жаркое по-летнему солнце... С часами тоже что-то не так: на циферблате семнадцать-тридцать восемь, но веры стрелкам нет: дневное светило еще не пересекло полуденной линии.

– Ничего не понимаю, Реймонд Федорович! Что творится с погодой на благословенном Понте Эвксинском? Ставлю вдову Клико против сельтерской, что сейчас лето. Но я самолично заполнял утром формуляр полетов, и точно помню, что на календаре значилось шестое февраля! Да вот, сами посмотрите...

В прозрачной, зеленоватой воде, возле самого борта пульсировали крошечные прозрачные кляксы. Медузы аурелии, морские блюдца. Как и всякий черноморец, фон Эссен знал, что маленькие медузы нарождаются к середине лета, а к зиме вырастают до размера суповой тарелки. Эти аурелии совсем крошечные.

Кобылин встал в полный рост и замахал шлемом. Фон Эссен и Корнилович оторвались от созерцания крошечных морских блюдц: к гидроплану подходил миноносец.

II

*Сразу после Переноса.
Обломки кораблекрушения
Сергей Велесов, писатель*

Сознание вернулось с мокрым шлепком по физиономии. Лямка баула отвешивала мне пощечины в такт размахам качки. Жив? И даже нигде не болит... Я пошевелился, попытался встать – веревка не пустила. Уже хорошо...

Я кое-как распутал узел и огляделся. От катера осталась одна корма: неизвестная сила перекусила суденышко пополам. Старшины-рулевого нет; над головой бездонное синее небо, ласковая волна, захлестывает планширь, и неподвижный круг горизонта.

Мысли понеслись карьером, водоворотом, горным взбесившимся потоком. Объяснение одно: треклятый «Пробой» сработал, но как-то криво. Нештатно.

Пункт первый: куда делись «Можайск» с «Помором»? Ну хорошо, меня могло задеть краем Воронки, но ведь корабли по любому должны были отправиться в прошлое? Я встал на банку, кое-как примерился к качке, и огляделся. Пусто. Ни корабля, ни самолета, ни моторки. Похоже, я угодил в воронку один.

Пункт второй. Судя по температуре воды, на дворе лето. Да и солнце над горизонтом слишком высоко для весны. А ведь «Пробой», будь он неладен, был настроен на апрель 1854-го...

Где я нахожусь – это уже пункт третий. Обломок катера болтается в открытом море: в далекой дымке не видно ничего, хотя бы отдаленно напоминающего контуры крымского берега. И это хреново: ученые ни словом не обмолвились о том, что «Пробой» может перемещать объекты не только во времени, но и в пространстве.

Выходит, может?

Я хлопнул себя по лбу и протасил из-под банки багаж. Совсем мозги отшибло! В бауле – рация, стоит включить ее, и...

Я не успел дернуть за гермозастежку и это спасло мое, отнюдь не водостойкое, барахло. Волна накрыла меня с головой, сбила с ног и чуть не унесла баул за борт; следующая швырнула меня лицом на решетчатые пайолы. Я вцепился в какую-то деревяшку, прижимая к животу драгоценный багаж. Обломок кораблекрушения мотнуло еще несколько раз; порыв ветра утих, и мы снова закачались на мелкой волне.

Следует срочно принять меры, а то так и останешься ни с чем! Я запихал баул под банку и совсем собрался примотать репшнуром, как вдруг увидел пластиковый ящик.

Удача? Еще какая! Не знаю, зачем в разъездном катере аварийный контейнер с десяти-местного спасательного плотa, но для меня это настоящее сокровище. Можно вскрывать, не опасаясь коллизий вроде давешнего шквалика: все надежно упаковано и не боится морской воды.

Я отжимал защелки, чувствуя себя колонистом с жюльверновского острова Линкольна, дорвавшимся до заветного сундука. Так и есть! Даже опись содержимого на обратной стороне крышки:

- * *патроны сигнальные (ПСНД) – 6 шт.;*
- * *водоналивная батарея "Маячок-2" – 1 шт.*
- * *сигнальное зеркало – 1 шт.*
- * *стакан градуированный, для питья – 1 шт.*
- * *свисток сигнальный – 1 шт.*
- * *боцманские ножи – 3 шт.*
- * *ракеты парашютные шлюпочные – 2 шт.*

- * фонарь электрический герметичный – 1 шт.
- * запасные батареи к фонарю – 4 шт.
- * аптечка первой помощи – 1 компл.
- * консервированная питьевая вода – 45 шт.
- * аварийные продуктовые пайки – 10 компл.
- * набор для ловли морской рыбы – 1 компл.
- * набор материалов для ремонта плота, – 1 компл.

Особенно порадовали упаковки с питьевой водой – солидные консервные банки, никакой алюминиевой фольги, синие буквы на тусклой жести: «Вода питьевая консервированная». И год выпуска, выдавленный на донце: 1997. Ладно, будем надеяться, срока годности она не имеет. Интересно, откуда такая древность? Вроде бы, сейчас питьевая вода для аварийных комплектов пакуется в пластиковые мешочки по сто миллилитров... Может, боцман, хозяин катерка, трепетно относится к раритетам советской эпохи?

Опорожненная банка отправилась за борт. Я защелкнул в шлюпочный нож свайку – слегка изогнутый заостренный стержень, которым так удобно дырять банку – и задумался. Есть, вроде, не хочется, да и не до еды сейчас. И уж тем более, не до рыбной ловли, хотя необходимый инвентарь присутствует. Ну, потребности организма в калориях будем удовлетворять потом, это потом – а пока припрячем в карман аптечку, так оно надежнее. И пора подумать, наконец, о связи. Рацию можно достать, – дожидаться, когда волнение немного утихнет, и откупорить баул. А пока пожалуйста, о нас позаботились: «ракета сигнала бедствия, парашютная судовая». Так, пункт первый: «отвернуть колпачок и осторожно извлечь шнур с кольцом...»

Ракета повисла высоко над головой и медленно опускалась, разбрасывая вокруг себя искры красного химического огня. Жаль, их всего две; зато видно издалека. Еще в наличии несколько сигнальных патронов, каждый с «дневной» и «ночной» начинкой», то есть с дымовой шашкой и ярким красным факелом. Так что, как говорится: «больше оптимизма, худшее впереди!»

III

Час после переноса

Гидрокрейсер «Алмаз»

лейтенант Реймонд фон Эссен

Реймонд фон Эссен стоял у леера и наблюдал, как отрывается от воды 32-й. Аппарат повис на временном выстреле, закрепленном на фок-мачте; свободное пространство между грот- и бизань-мачтой и корму занимали алмазовские машины. А ведь предстоит еще разместить его собственную М-5. Вон она, качается на волнах в десятке саженей от борта, с угрюмым Кобылиным на крыле. Наблюдатель недовольно косится на Эссена – он, под предлогом рапорта об аварии Корниловича, малодушно сбежал, увильнув от такелажных работ.

Доклада не получилось. Командиру авиаматки было не до того: внезапный штормовой шквал, накрывший корабли – тот, что швырнул в воду Корниловича и чуть не угробил самого Эссена жестко прошелся по «Алмазу». Чудовищные порывы ветра положили гидрокрейсер на борт; один из аппаратов сорвался с креплений и оказался бы за бортом, если бы не кинулся к нему лейтенант Качинский, командир алмазовской авиагруппы. Сейчас Викториан Романович хрипел, захлебываясь кровью, в лазарете: форштевень гидроплана проломил ему грудную клетку, и доктор, в ответ на очередное «Есть надежда?» темнел лицом и отворачивался. Недосчитались троих нижних чинов – несчастных унесло за борт, и, как ни обшаривали шлюпки поверхность, найти никого не удалось. Еще четверо, включая мичмана Солодовникова, составили компанию Качинскому в лазарете с переломами, не столь, впрочем, серьезными. Чет-

верть команды щеголяла порезами, ушибами, ссадинами, и среди них выделялся ярко-красной физиономией баталер – беднягу обварило на камбузе кипятком.

Вихри катаклизма сорвали с ростров и унесли вельбот; два из четырех аппаратов получили повреждения. И разбираться с этим придется ему, фон Эссену: согласно приказу каперанга Зарина, он замещал лейтенанта Качинского в должности командира авиагруппы. И для начала, разместить на тесной палубе еще два аппарата, и так, чтобы не мешать, при случае, расчетам орудий. Пожалуй, прикинул лейтенант, обломки аппарата Корниловича можно пристроить между трубами. Крылья придется снять – не беда, все равно пойдут на запчасти. У одной из алмазовских "пятерок" как раз повреждена верхняя пара плоскостей...

– Ну и как вам все эти странности? – прапорщик Лобанов-Ростовский выколотил о ладонь трубку, раскрыл нож-тройник и принялся ковыряться в мундштуке. – Лето в феврале, и с часами черт знает, что.

– Костинька прав, – добавил подошедший вслед за прапорщиком Марченко. – Только он еще не о всех странностях знает.

– А ты, значит, уже сподобился? – осведомился летнаб. – Пока одни с погрузкой возятся, Боренька тут как тут – слухи собирает.

Экипаж «тридцать второй» принимался за пикировки, как только оказывался на палубе, ничуть не стесняясь присутствием посторонних. Чины и титулы не играли при этом никакой роли, тем более, что Лобанов-Ростовский, считающий род от владетельных князей с пятнадцатого века, испытывал к своему пилоту, сыну казанского преподавателя географии, сильнейшее уважение. Поручик Марченко самый опытный пилот авиаотряда; в его летной книжке значится больше всего боевых вылетов, и даже две победы в воздушных боях.

– С погрузкой ты один, князьинька, справишься, – лениво отозвался Марченко. – Вон, какой здоровенный, орудие можешь на палубу затащить без всякой лебедки, не то что гидроплан!

Прапорщик отличался завидным сложением, и это доставляло им обоим немало неудобств: тесная кабина М-5, где сидеть приходилось бок о бок, как в авто, не рассчитана на таких богатырей. Зато Лобанов-Ростовский стрелял из «Льюиса» с рук, без упора, и отлично попадал в полотняный конус буксируемой мишени. – ...а странность такова: радиотелеграфист не может выудить из эфира ни единого сообщения. Говорит, тишина первозданная, ни единой передачи – одни помехи, будто до изобретения господина Маркони. Такие-то дела, судари мои...

– Господин лейтенант, вашбродие!

Эссен обернулся. Перед ним стоял взмыленный капитанский вестовой.

– Лейтенанта фон Эссена требуют на мостик! отрапортовал он.

Авиатор кивнул собеседникам и заторопился к трапу.

– Ну вот и поговорили... – раздосадовано сказал Малышев. – Вы уж, Реймонд Федорович, как освободитесь – пожалте назад, обсудим, с каким соусом употреблять эти странности...

Командир «Алмаза» был озадачен. Алексей Сергеевич Зарин нервно прохаживался по мостику, и Эссен заметил, что капитану первого ранга жарко в мундире зимнего образца. Упрямо лезущее в зенит солнце припекало, а летний гардероб остался на берегу. Держать на судне – зачем? Только сукно портить в черноморской сырости.

Фон Эссен вскинул руку к фуражке, чтобы доложиться по форме, но каперанг прервал его нетерпеливым жестом:

– Реймонд Федорович, голубчик, ваш аппарат еще на воде?

Эссен кивнул.

– Вот и отлично! – Зарин поправил пенсне. – Давайте-ка, заправляйтесь и слетайте быстро, оглядитесь. К норду, миль на двадцать и обратно. А то штурманец наш что-то озадачен...

И кивнул на юного мичмана, второго штурмана гидрокрейсера. – Но как же так, Алексей Сергеич! – попытался протестовать фон Эссен. – У меня один цилиндр сдох, надо мотор перебирать!

– А вы на восьми, голубчик, на восьми! Вы ведь на своем «Гноме» прямо в полете зажигание в цилиндрах по одному отключаете, чтобы обороты понизить? А снова они не всегда запускаются – свечи зальет или замаслит, – так что вам на неполном комплекте цилиндров летать привычно. Да и недалеко. В случае чего, дадите ракету, «Заветный» вас подберет.

Эссен выдохнул «есть!» и слетел по трапу, едва касаясь подошвами вытертого до блеска металла.

IV

Полтора часа после Переноса

ПСКР «Адамант»

майор ФСБ Андрей Митин

Сторожевик береговой охраны, пусть даже и самый современный – это не эсминец и не корвет; в проект 22460, шифр «Охотник», не закладывалась возможность использовать его, как корабль управления. В кают-компании «Адаманта» было тесно. Кондиционер не справлялся; через открытые иллюминаторы лился теплый воздух, и это лишний раз напоминало присутствующим о положении, в котором они оказались.

Только что на дворе был февраль. А тут – хоть напяливай футболку и шорты!

Груздев закричал: «Уводите корабль, аномалия!». Яростные порывы ветра сорвали с физика шляпу, растрепали остатки шевелюры и жидкую, на испанский манер, бороденку. Он походил на инженера Гарина, впервые увидевшего на горизонте Золотой остров – разве что постаревшего лет на тридцать. Лихорадочный блеск в глазах, побелевшие костяшки пальцев, сжимающих леер, старческий голос, изо всех сил пытающийся перекрыть рев безумного, как в первый день Творения, смерча: «Прочь!... скорее... аномалия!...»

Андрей опоздал на долю секунды. «Адамант» положило на борт, майор прыгнул, но пальцы лишь скользнули по пиджаку: профессора оторвало от леера, и с тошнотворным звуком – будто на жестяной стол бросили кусок сырого мяса – впечатало спиной в стойку прожектора. На одно неуловимое мгновение перед ударом Андрею показалось, будто профессора окутала паутина лиловых то ли нитей, то ли молний – и все исчезло в апокалиптическом сиянии Воронки...

Сейчас Груздев лежал без сознания в медчасти. Кроме переломов и неизбежной контузии внутренних органов, корабельный врач констатировал серьезное сотрясение мозга. Когда Андрей спросил: «когда можно будет с ним поговорить?», доктор посмотрел на майора, как на сумасшедшего, и ответил: если профессор вообще когда-нибудь заговорит, это уже будет редкая удача. На которую лично он бы не рассчитывал.

Научную часть проекта представлял бледный от ответственности двадцатисемилетний инженер Валентин Рогачев. Он понятия не слишком разбирался в хронофизических нюансах; обязанностью Валентина было поддерживать в работоспособном состоянии научную аппаратуру, смонтированную на ПСКР. Этим он и занимался, пока сторожевик не накрыл лиловый смерч.

С тех пор прошло около часа. Инженер и корабельные техники из сил выбились, приводя аппаратуру в работоспособное состояние. На «Адаманте» вырубилась вся электрика, все компьютеры; Фомченко, воспринимавший все по-военному прямолинейно, заорал что-то об электромагнитном импульсе, и Андрей похолодел, сообразив, что генерал имеет в виду последствия ядерного удара. Но – горизонт чист, ни титанических столбов пара, ни зловещих грибовидных облаков. Приборы постепенно оживали, и тут-то и выяснилось, что эфир – все

диапазоны, до единого! девственно чист. Ни коммерческих радиостанций, ни сотовых сетей, ни сигналов ДжиПиЭс и ГЛОНАСС, ни сигнатур военных радаров, ни транспондеров авиалайнеров. Радиоэлектронная начинка «Адаманта» была на уровне – НРЛС «Наяда», «Балтика-М», система радиоразведки «Сектор» – но вся эта хитрая машинерия не показывала ничего. НИ-ЧЕ-ГО. Пусто. Ноль. Зеро.

– Вынужден предположить, что комплекс «Пробой» сработал в нештатном режиме. В результате, мы оказались на месте кораблей, которые должны были отправиться в прошлое. Но вот куда именно мы попали – пока неясно. Вам слово, товарищ старший лейтенант...

Штурман «Адаманта» откашлялся:

– Товарищ генерал-лейтенант, я пока мало что могу сказать. Ясно только, что это Черное море и, скорее всего, август – судя по температуре воды и высоте солнца над горизонтом. Спутников над нами нет, точнее определиться не получится. Связи тоже нет, впрочем, об этом вы знаете...

Командир сторожевика, капитан второго ранга Кременецкий, нахмурился.

– А как насчет секстана? Надеюсь, вы не разучились им пользоваться?

Штурман поморщился.

– Определиться по солнцу мы не можем, нет должным образом настроенного хронометра. То есть, он есть, конечно – но доверять его показаниям нельзя, как и всем остальным часам на борту. Во-первых, в момент... хм...

– «аномалии», – торопливо подсказал инженер.

– Да, в момент «аномалии» все часы – механические, кварцевые, компьютерные таймеры – остановились. А какие не остановились сбились, и показывают теперь температуру прошлогоднего снега. К тому же, не стоит рассчитывать, что местное время в точности синхронизировано с нашим. Пока наблюдаем обратную картину: перед аномалией на часах было примерно шестнадцать-двадцать; здесь же, если судить по положению солнца, около полудня. Мы, собственно, и выставили одиннадцать-ноль-ноль, надо же с чего-то начинать.

– Вообще, ни черта непонятно, хрень какая-то! – снова встрял инженер. – Особенно с компьютерными таймерами: они же с памятью. Ну, упал кварцевый резонатор на какие-то мгновенья, но потом-то он должен был снова воткнуться! Если же все обнулилось... тогда вся или почти вся инфа с компов должна была слететь. Но нет, обломитесь – я прогнал одну прогу, наши базы, вроде, нетронуты...

Фомченко скривился – Валина лексика его раздражала.

– Так что нам остаются только звезды. – закончил штурман. Если погода будет благоприятствовать – к двадцати четырем-ноль-ноль смогу сказать что-то определенное.

– Нам что, еще тринадцать часов ждать? На хрена тогда эта ваша электроника?

– Объективные причины, тащ генерал-лейтенант! – развел руками Кременецкий. – Старший лейтенант прав, раньше никак.

– Ладно, подождем, раз никак. – буркнул Фомченко. Пока предлагаю исходить из того, что мы оказались... м-м-м... как там было, по плану экспедиции,?

– Второе апреля 1854-го года, траверз Балаклавы, товарищ генерал-лейтенант! – поспешил отозваться Андрей, которому, очевидно, и предназначалось начальственное «...м-м-м?». – Но погода не апрельская, сами видите. Лето, может ранняя осень. Да и с местом не все понятно. Вот, Геннадий Иванович...

– Так точно! – откликнулся штурман. – Программой предусмотрена точка выхода в пятнадцати милях от крымского берега, в наших территориальных водах. На таком расстоянии локатор показал бы контуры суши. Но их нет, это я ответственно могу заявить. А значит, как минимум, место – не то.

– Не то, значит... – покачал головой Фомченко. – Ну, этого следовало ожидать, раз уж такая... аномалия.

Андрей отметил, что генералу неприятно выговаривать это слово.

– А раз так, то и со временем может быть сбой. Но ждать до полуночи мы не можем. Что с беспилотником?

– Беспилотный летательный аппарат «Горизонт Эйр» S-100 сейчас готовят к вылету! – бодро отрапортовал кавторанг. Требуется время на тестирование оборудования, через час тридцать все будет готово.

– Вот и отлично, – смиловился Фомченко. – Куда полетите?

– Я предлагаю – к северу, на максимальную дальность. вмешался штурман. – Пока исходим из предположения, что не слишком сильно отклонились от заданных координат. Дальность уверенной передачи данных у «Горизонта» – около ста километров. Поведем секторный поиск, осмотримся, и тогда что-то можно будет сказать. Только вести его придется вручную, без привязки к спутникам...

Беспилотный вертолет «Горизонт Эйр» S-100 – единственный на данный момент беспилотный вертолет, используемый российским флотом и пограничниками, совместная разработка с австрийской фирмой Schiebel, – мог держаться в воздухе до шести часов. На «Адаманте» штатно имелся один «Горизонт»; еще один, оснащенный спецаппаратурой Проекта, доставили на сторожевик два дня назад. Ударного вооружения на S-100 не предусматривалось.

Фомченко помолчал, по очереди озирая присутствующих.

А ведь он растерян, понял Андрей. Генерал привык заниматься оргвопросами, и, надо признать, вполне с этим справлялся. А на совещаниях, где обсуждались научные аспекты Проекта, предпочитал отмалчиваться. Для Фомченко все просто: есть задача, поставленная Верховным главнокомандующим, и ее надо решать. Да, задача эта весьма необычна – ну так и что с того? Приказы, как известно, не обсуждаются, и вообще: «Мы не ограничиваем вас в методах, товарищ генерал. Можете делать и невозможное».

И сейчас, оказавшись лицом к лицу с этим самым «невозможным», генерал чувствовал себя не в своей тарелке. Научный руководитель Проекта чуть ли не при смерти; из всех специалистов по черной магии хронофизики – долговязый юнец, изъясняющийся на нелепом жаргоне. Проведена серьезная подготовка, привлечены лучшие специалисты, собрана необходимая информация – и нате вам: в решающий момент все это оказывается недоступным. Приходится принимать решения, опираясь на советы командира пограничного сторожевика, вчерашнего студента и каплея из черноморского ОМРП СпН¹.

Этот вообще не сказал пока ни слова – сидит в углу и помалкивает. Под началом капитан-лейтенанта Белых – группа боевых пловцов, которым поручена охрана «Адаманта». Высокие эмпирии его не касаются, а если что и заботит – так только то, что большая часть их хитрого снаряжения осталась на берегу.

Фоменко еще раз оглядел «штаб». Насупленный, из-под кустистых, по-брежневски, бровей, взгляд остановился на Андрее.

«Вспомнил, наконец...»

– Майор Митин? Если не ошибаюсь, вы подбирали материалы вместе с Сазоновым?

Андрей кивнул:

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант. Я курировал деятельность Аркадия Анатольевича по линии ФСБ. Когда он узнал, что я неплохо знаком с историей девятнадцатого века, стал привлекать меня к основной работе. Я не возражал, поскольку рассчитывал попасть в состав экспедиции. Увы, было принято другое решение.

– Вот, значит, теперь и попал, – ухмыльнулся Фомченко. Можешь радоваться. Остается вопрос – насколько ты в теме? Как я понимаю, все материалы на «Можайске», у Сазонова?

¹ Отдельный морской разведывательный пункт специального назначения – разведывательнодиверсионное подразделение ВМФ.

"Попал? А ведь и правда, *попал!*"

– Так точно. Правда, кое-что есть на моем ноутбуке. Исторические источники, труды по Крымской войне и Черноморского флота. Это материалы из моего личного архива, на них нет грифа. Но если вы сочтете это нарушением...

– Забудь, майор, – отмахнулся генерал. – Нарушил ты или нет плевать. С этого момента ты – мой зам по науке. А вы... – он повернулся к инженеру, – ...вы назначаетесь руководителем научной группы. Подберите помощников и разберитесь, наконец, с этими аномалиями!

Глава четвертая

I

*Летающая лодка М-5
бортовой номер 37
лейтенант Реймонд фон Эссен*

Ракету заметил Кобылин. Красная точка повисла над горизонтом, и медленно опускалась на парашюте. А когда, наконец, погасла, на поверхности моря возник и стал расти язык ярко-оранжевого дыма. С высоты в сотню метров фон Эссен ясно разглядел на обломках шлюпки человека.

– Превосходная штука! – проорал, перекивая тарахтенье «Гнома» Кобылин. – вот бы и нам такую раздобыть! Глядишь, и пригодится, когда будут вылавливать...

И верно, цветной дым отлично заметен на фоне воды. Эссену приходилось слышать о дымовых завесах на германском фронте но, чтобы дым, да еще и цветной, использовали как сигнальное средство? Толково...

Обломки шлюпки едва высывались из воды и Эссен, прищурившись, разобрал на транце русские буквы.

«Свой?»

Кобылин ткнул пальцем вниз – «будем садиться?» Лейтенант в ответ помотал головой. Волнение слабое, солнце высоко, а жертва кораблекрушения, похоже, чувствует себя уверенно. До кораблей несколько минут лету, а еще минут через сорок здесь будет миноносец.

Эссен описал круг – с сильным креном, едва не чиркая крылом по волне. Струя оранжевого дыма, к удивлению лейтенанта, вырывалась прямо из воды, точнее, из какого-то мелкого предмета, плавающего рядом с разбитой шлюпкой. Жертва кораблекрушения стояла на банке, и семафорил обеими руками.

«Держись, дядя, помощь близко...»

Когда стрелка альтиметра миновала отметку в 1.200 метров, Эссен выровнял аппарат. На горизонте маячила крошечная белая запятая – словно капелька цинковых белил, упавшая с кисти мариниста.

Парус? У турецких берегов полно рыбацких скорлупок и всякой каботажной мелочи. Но все равно, надо запомнить...

Удача окончательно отвернулась от «тридцать седьмой». Милях в семи к норд-весту виднелись слегка откиннутые назад мачты гидрокрейсера, вытянутый, приземистый контур миноносца и угрюмая калоша турецкого угольщика. Еще несколько минут, и...

Мотор закашлялся. Эссен пихнул Кобылина локтем и ткнул пальцем за спину, в тарахтящий «Гном». Летнаб обернулся, прислушался; на его физиономии явственно проступила тревога, и в этот момент мотор чихнул, плюнул сизым дымом, и замолчал. Потом снова чихнул, застрелял восемью исправными цилиндрами и заглох окончательно. Стало тихо, только набегающий поток свистел в расчалках.

Лейтенант выругался – «Накаркал с дымами этими, пригодится ему... Вот и пригодилось. Понятливый Кобылин полез в брезентовую сумку, привешенную к внутренней стороне борта. Клацнул металл наблюдатель откинул ствол громоздкого сигнального пистолета и вставил в казенник картонную гильзу. Эссен потянул штурвал на себя, выводя аппарат на глиссаду. «А тебе, дружище, придется подождать лишний час.» – посочувствовал он человеку на разбитой шлюпке. Не беда, море спокойное, как-нибудь дотерпит.

II

Османская Империя.

Провинция Зонгулдак

Где-то на берегу

Следы вели в воду. Баш-чауш свесился с седла и пригляделся: пашеры* здесь переправлялись через ручей. Знали, черви, что погоня пойдет верхами! Глубокий, по грудь коню, мутный поток перегорожен упавшим в воду деревом. Вокруг веток нанесло всякой дряни; течение взбило возле полузатопленных коряг шапку грязно- бурой пены, и вода закручивалась между сучьями мелкими водоворотами. До противоположного берега всего ничего, пара дюжин шагов, но попробуй, преодолей их в седле!

Вот здесь, возле поваленного дерева пашеры² вошли в воду и переправлялись, держась за осклизлые коряги. Как же не хочется лезть туда верхом... Кто знает, сколько там затопленных пней да сучьев? Запросто переломаешь ноги лошадям, а то и брюхо пропорешь – вон какой острый сук торчит из воды!

Баш-чауш сплюнул. Если курды откажутся лезть в воду – как тогда заставить этих голово-резов подчиниться? Можно, конечно, пригрозить непокорных выдать на суд и расправу забтие мюшири³ – но тогда эти сыны шакала, чего доброго, пластанут его самого саблей, а потом заявят, что начальник пал в схватке. И концов не сыскать: Пиштиван, и Зевер, Ало-Шерок и Ханемед, все два десятка башибузуков родом из соседних деревень, и друг друга они не выдадут. Нет, надо действовать тоньше...

– Пиштиван!

Всадник в драном бешмете и лохматой папахе, подлетел к начальнику. Баш-чауш с трудом удержался, чтобы не поморщиться одеяние курда источало тошнотворный запах прогорклого бараньего жира. За спиной у Пиштивана болтался ружейный чехол из овечьей шкуры, из него на локоть выглядывал приклад, украшенный перламутром и мелким жемчугом.

Богатый у Пиштивана мылтык⁴, привычно отметил баш-чауш. И сабля богатая, с черным йеменским клинком. А воин Пиштиван дрянной, истинный курд – труслив, лжив и, как все их проклятое Аллахом племя, жаден до грабежа. Это полезное качество сейчас и требовалось.

– Эфенди, наши не хотят идти в воду! – заявил Пиштиван. Он лучше других курдов изъяснялся по-турецки и обычно говорил от их имени. – Говорят: лошадей попортим, не надо идти, зачем? Без лошадей – какие мы воины?

Баш-чаушу нестерпимо захотелось осыпать негодяя самой черной бранью. Но сдержался: сказал ведь Посланник Аллаха (мир ему и благословение): «Верующий не порочит, не прокли-нает, не совершает ничего непристойного и не сквернословит».

И с таким вот сбродом приходится стеречь берег, ловить контрабандистов и бандитов! А по ночам просыпаться от всякого шума – а ну, как русские гяуры пришли с моря, жгут дома, рубят рыбацкие лодки, лишая прибрежных жителей и без того скудного пропитания? Баш-чауш был уроженцем провинции Зонгулдак и принимал близко к сердцу беды, выпадавшие на долю местных обитателей. А курдским мерзавцам хоть бы хны – завас-баши уже не раз грозился донести на бесчинства, творимые башибузуками. Как будто он, баш-чауш, может удержать от бесчинств диких горцев! Таких одно может исправить – петля или кол, тонкий, смазанный по всей длине бараньим жиром...

² Пашер – (тур.) контрабандист.

³ Забтие мюшири – (тур.) старший офицер

⁴ мылтык (тур.) – украшенное ружье

Баш-чауш помотал головой, отгоняя соблазнительное зрелище. Придет время и Пиштиван с остальными ответят за все; пока же надо проявить мудрость и изворотливость.

– Пашеры, которых мы ловим, торопятся к морю. Там их ждет фелука, и если поторопиться, то можно захватить и ее, и беглецов. А на фелуке наверняка полно добра...

«Как вспыхнули глаза у этой курдской собаки!» – и баш-чауш поспешил наложить последний штрих:

– А когда мы заберем груз во славу Султана, да продлит Аллах Милосердный его дни – я поставлю тебя бакыджи⁵. Ты ведь сможешь вести счет, Пиштиван?

Курд захохотал от удовольствия, широко разевая черную, щербатую пасть, выхватил из чехла ружье и понесся к соплеменникам, на скаку вопя что-то по-своему. Баш-чауш различал только повторяемое на все лады: «Чикальма! Чикальма!»⁶.

Турок ухмыльнулся в усы: дело, считай, сделано.

III

В открытом море

Обломки кораблекрушения

Сергей Велесов, писатель

Я ожидал чего угодно: вертолета, противолодочной амфибии, антикварного АН-2, частной «Цесны». Но чтоб *такое*?

Летающая лодка облетела меня по кругу, продемонстрировав раскрашенный под Андреевский флаг киль и трехцветные розетки на плоскостях. Пилот помахал рукой, аэроплан протарахтел над самой макушкой, обдав меня волной кастрового смрада.

Этот запах памятен был с детства, с авиамodelьного кружка, куда я записался в шестом классе. Инструкция к двухтактному моторчику, приобретенному в магазине «Пионер» на улице Горького, предписывала заправлять это чудо техники пахучей смесью эфира, керосина и кастровки. А статья в журнале «Моделист-конструктор» подробно разъясняла: на похожем топливе работали двигатели времен зари самолетостроения, все эти «Гном-Моносупапы» и «Сальмсоны».

В нашем благословенном Отечестве хватает любителей ретро-авиации; помнится, родной брат директора одной геленджикской фирмы, где мне случилось работать в нулевых, профессионально занимался воспроизведением такой экзотики, как, например, И-15 «бис». Собрать по «родным» чертежам М-5 конструкции Григоровича для такого умельца не проблема, был бы заказчик. Но, чтобы заморочиться древним ротационным движком, со всеми его косяками, включая скверное топливо? Чтобы «реплика» не только «крякала как утка», но и воняла, как аппараты Уточкина и Нестерова – жженым кастровым маслом и дурно очищенным бензином?

Гидроплан качнул крыльями и ушел с набором высоты к горизонту – туда, где по моим представлениям, был север. То есть норд. Теперь, надо полагать, следует ожидать прибытия чего-то водоплавающего. После эдакой диковины, я не удивлюсь появлению скажем, броненосца «Потемкин». Точнее, «Пантелеймона» – так он назывался после знаменитого восстания.

Плавающая в воде шашка оранжевого дыма испустила дух, и я принялся рыться в шлюпочном контейнере. Ракета осталась всего одна, и торопиться с ней не стоит – пока еще этажерка сматается до своих...

Благо, лететь недалеко: если мне не изменяет память, русские авиаматки во время Первой Мировой спускали гидропланы на воду милях в двадцати от цели – моторы «Гном-Моносупап»

⁵ Бакыджи – (тур.) смотрящий, наблюдающий.

⁶ (тур.) Добыча, трофей.

отличались весьма капризным нравом, да и запас топлива у «пятерок» ограничен. Нет, гостей надо ждать часа через полтора-два, не позже.

Я помотал головой, отгоняя неуместные фантазии. Перегрелся на солнышке? Кстати, вариант – жарит вовсю, а замотать голову хотя бы тряпкой я не додумался.

Рассуждаем здраво. Какие еще авиаматки? Скорее уж пароходофрегат, ведь "Пробой" был настроен на 1854-й. Но, чтобы гидросамолет времен Первой Мировой? Да, он выглядит, как мечта исторического реконструктора, но... неоткуда ему взяться, неоткуда! А значит, это просто творение одержимого историей самодельщика, и нахожусь я в своем родном двадцать первом веке, и никак иначе! Аутентичность в мелочах – это, конечно, круто, но без нормальных средств связи его в полет не выпустят, с правилами авиационной безопасности шутки плохи.

"...а вот на аэропланах Великой Войны радиосвязи не было – во всяком случае, на русских летающих лодках..."

Да нет, бред. Полный. Какая Первая Мировая... а что до урагана, то это хитрая атмосферная аномалия, вызванная нештатной работой "Пробоя". М-5 – банальный, хоть и весьма убедительный, новодел, и пилот в этот момент наверняка вызывает МЧС-ников или погранцов.

Но, с другой стороны, касторка... и солнце по-летнему высоко...

Я выпрямился так резко, что мой обломок кораблекрушения качнулся, и я чуть не свалился с банки. Нет, ну как можно быть таким идиотом? Снова забыл о рации! Проще простого – связаться с этими "авиаторами" и прояснить ситуацию, пока мозги окончательно не вскипели!

IV

В открытом море

Гидрокрейсер «Алмаз»

лейтенант Реймонд фон Эссен

На полубаке «Алмаза» стучали молотки и визжала ножовка; матросы спешно заканчивали дополнительный пандус на полубаке. Эссен критически обозрел сооружение, вздохнул и отвернулся. А что остается? Гидрокрейсер изначально приспособлен к тому, чтобы нести четыре М-5; теперь предстояло впихнуть шесть, не считая обломков аппарата Корниловича. Вон они, под брезентом, позади передней трубы и местные механики бродят вокруг неостывшего трупа, прикидывая – что бы оттяпать? Нет, судари мои, так не пойдет!

– Рубахин, ко мне!

Рубахин – моторист мичмана Цивинского, пилота с «Алмаза» обернулся, увидел фон Эссена, и физиономия его немедленно сделалась благодостойной. И лживой – небось думает, подлец, что новое начальство не в курсе, кто уже успел вывинтить клапана из трех цилиндров...

– Отставить мародерство! Еще раз увижу – настоишься под винтовкой!

Ставить моториста на ют, с винтовкой и ранцем – обычное флотское наказание за мелкие провинности – дело, конечно, неслыханное. Эта публика – белая кость; на них глядят с уважением, почтительно обращаются по имени отчеству. Еще бы – авиаторы! Мотористам не раз приходилось подменять в полетах наблюдателей, а уж капризную механику гидропланов они знали на «ять».

– Так точно вашбродие! – и, тоном ниже: – Я ж тока тягу снять хотел, от высотного руля! На «девятке» начисто перетерлась, того гляди, лопнет. А нам летать – куда ж оно годится?

Вот как ты будешь на него сердиться? Моторист носится с аппаратом как с родным дитем: недоест-недоспит, стырит, выменяет, а «девятку» обиходит в лучшем виде. И правильно, только так и надо.

– Ты, Рубахин, зубы-то мне не заговаривай! Тяга у него... Надо чего – пиши рапортчику, а руками лезть не моги! Ступай прочь, чтобы я тебя тут боле не видел!

С этой публикой ухо остро: стоит отвернуться, они и исправную машину по винтику растащат. Куркули.

Внизу, у борта застреляло, зафыркало. Летающая лодка с номером 32 развернулась против ветра и бодро пошла на взлет.

«Осмотрите парусник, и, если надо, наведете на него «Заветного», – напутствовал Марченко фон Эссен. – Они к тому времени уже выловят нашего крестника. Вымпел – дело ненадежное, поди, попади им на узкий миноносец! А вы, дюша мой, пролетите пониже, крыльями помашите, курс покажите ракетой. С «Алмаза» отстучат по беспроволочному телеграфу – миноносники сбегают, угля у них много. Да и турка под завязку, забункеруемся, если что...»

Лейтенант проводил аппарат взглядом и задумался. Что-то грызло его изнутри. Непросто, ох, непросто придется в ближайшие несколько часов! Половина гидропланов – инвалиды. Его собственный стоит без мотора; у М-5 лейтенанта Качинского треснул форштевень и дыра в фанерном днище, гидроплан с номером «17» ждет замены плоскостей. В строю только три машины, и одна из них только что ушла к горизонту. Который что-то слишком быстро затягивает облаками...

– Рубахин, где ты там?

Моторист нарисовался подозрительно быстро. Карман галифе щегольских, дорогой английской ткани, подшитых на задку кожей, подозрительно оттопыривался. "Непременно ждал, когда я уйду, чтобы свинтить тягу..."

– Давай, бери двоих в помощь, и снимайте с этой развалюхи плоскости. Будем ставить на "семнадцатый". Лично отвечаешь – и шевелись, чтобы к восьмой склянке все было в лучшем виде. Сам полетишь со мной, обкатывать. ежели что – вместе искупаемся!

Довольный Рубахин проорал "Есть, вашбродь! – откозырял и метнулся на корму. Ключ при этом выскочил у него из кармана галифе и с лязгом запрыгал по палубе. Моторист рыбкой метнулся вслед и едва успел подхватить инструмент у самого борта.

"Вишь, шельмец... а ничего, ловок! Справится."

Надо поискать Корниловича, подумал Эссен. Хватит посыпать голову пеплом, пусть принимает аппарат Качинского. Трещины механики заделают быстро, и к утру, даст Бог, в строю будет пять гидропланов.

Глава пятая

I

*В открытом море,
ПСКР «Адамант»
майор ФСБ Андрей Митин*

Субмарина ползла еле-еле, как черепаха – длинная, узкая черепаха, с панцирем из листовой стали. За ней тянулся кильватерный след, мазок белесой гуашью по аквамариновой глади, кое-где испятнанной барашками. По следу ее и обнаружили, хотя, локаатор засек медлительную цель много раньше, избавив оператора беспилотника от утомительных поисковых зигзагов.

«Горизонт Эйр» завис в четверти мили от подводной лодки, на высоте в сто метров. На вопрос: «А они нас не засекут?» старшина I-й статьи Алексей Алябьев, которого на «Адаманте» никто не называл иначе, как «Леха», только ухмыльнулся. Леха попал в Береговую охрану как раз из-за этого самого «Горизонта» – для только что принятых на вооружение беспилотных вертолетов срочно требовались операторы, вот ФСБ и попросило об одолжении Министерство обороны. Там уже несколько лет, как действовал центр подготовки специалистов соответствующего профиля, куда охотно брали вчерашних геймеров и студентов-недоучек, собравшихся поискать себя на военной службе.

Леха обожал свой «Горизонт» и творил с ним чудеса. Как-то он опустил бутылку пива точно в ведро, стоящее на палубе идущего полным ходом сторожевика. Сделано это было на спор; пари заключил командир «Адаманта» со своим коллегой, командовавшим точно таким же ПСКР. Лехино мастерство обошлось тому в ящик армянского коньяка, после чего авторитет бывшего бауманца стал непререкаем. Раз Леха сказал «не обнаружат» – значит так оно и будет, и ни одному из офицеров не пришлось бы в голову в этом усомниться. Специалисту виднее.

«Не, тащ старший лейтенант, не увидят они нас!» – помотал головой Леха. Старшина стоял на летной палубе сторожевика. Пульт управления с экраном и джойстиком, закрепленный на плечевой сбруе, гарнитура с массивными наушниками и видеоочки делали его похожим на персонажа из голливудского боевика. Вообще-то беспилотником следовало управлять из специального помещения «рубки управления БПЛА», – но Леха предпочитал работать на свежем воздухе. Ноутбук, на экране которого отображалась картинка с дополнительной камеры, был пристроен рядом, на раскладном столике, рядом с откупоренной бутылкой минералки.

Андрей и адамантовский штурман сидели перед ноутбуком на пластиковых стульях и по очереди гоняли мышку, управляя подвесной камерой. На соседний монитор шла навигационная информация, и штурман кривился всякий раз, когда бросал взгляд на переплетение линий, цветных секторов и отметок. Окошко с данными спутниковой привязки пустовало. Беспилотник приходилось вести наугад, не имея ориентиров, кроме сторожевика и этой, невесть откуда взявшейся, субмарины.

Лежавшая тут же, на столике, УКВ-рация не подавала признаков жизни. Радист второй час обшаривал диапазоны, но эфир хранил молчание: только треск помех да обрывки морзянки, то ли послышавшийся, то ли на самом деле пискнувший на границе чувствительности аппаратуры.

Кременецкий и Фомченко стояли рядом. Генерал величественно озирает морские просторы, время от времени неодобрительно поглядывая на Леху. Фомченко было жарко на солнце в генеральском кителе, но он из принципа не стал переодеваться в легкомысленную рубашку с короткими рукавами, и позволил себе единственное послабление – снял фуражку и держал

теперь ее за спиной. Генералу очень хотелось обмахнуться ею, как веером, но он сдерживался, то и дело вытирая потный лоб насквозь мокрым платком.

Беспилотник взлетел с «Адаманта» полчаса назад. Сначала аппаратик дважды обошел сторожевик по кругу – Леха пробовал аппаратуру, – а потом повернул на юг, в сторону обнаруженного объекта. Цель нашли без проблем, но понять, что это такое, оказалось не так-то просто.

Узкий силуэт, торчащая посредине рубка однозначно выдавали подводную лодку. Смущали размеры – метров тридцати в длину, водоизмещение тонн двести, не больше – таких малюток на Черном море не водилось. Предположение штурмана о том, что перед ними НАТОвская мини-субмарина для подводных диверсантов, было отвергнуто с негодованием. Да, от соседей по планете можно ожидать любой пакости – но чтобы секретная подлодка так бездарно светилась? «Горизонт», конечно, отличная машинка, но элементов «стелс» в его конструкции нет; БПЛА давным-давно был бы обнаружен радиолокатором, и чужая мини-субмарина ушла бы на глубину. Кременецкий осторожно предположил, что это творение неведомых самоделщиков. А что? Возят же колумбийские наркобароны кокаин и марихуану на кустарных подлодках?

Это звучало правдоподобнее – особенно, когда на рубке обнаружилась выхлопная труба, плюющаяся соляровой гарью. Генерал кровожадно посетовал, что на «Адаманте» нет противолодочных бомбометов; кавторанг дипломатично улыбнулся, давая понять, что шутку оценил. Нейтральные воды, какие там бомбометы...

Хотя – кто его разберет? Где находятся «Адамант» и загадочная субмарина – непонятно. Ясно только, что в Черном море и достаточно далеко от береговой черты, раз радар не видит возвышенностей...

Андрей наклонился к экрану. Что-то знакомое было в силуэте подлодки. Он покрутил колесико мышки, картинка приблизилась. Коническая тумба, на ней – смахивающий на «максим», пулемет. На верхушке низкой, в человеческий рост, рубке теснятся пятеро; один из них за штурвалом. Стоящий за спиной рулевого поворачивается к камере: тонкогубое лицо, слегка оттопыренные уши, офицерская фуражка с высокой тульей и коротенькими, будто обрезанными полями, тусклая блямба кокарды...

Андрей выпрямился.

– Товарищ генерал-лейтенант, я знаю, кто это!

– Твою ж мать! – заорал Леха, и картинка завалилась на бок. Штурман задвигал мышкой, удерживая субмарину в поле зрения подвесной камеры, и видно было, как от рубки тянутся навстречу зрителям белесые жгуты – один, другой, третий...

– Пулемет, сволочь! – орал Леха. – Стреляют, суки, увожу..!

Картинка на экране снова завалилась – «Горизонт» с сильным креном пошел к воде. Леха изогнулся, словно повторяя движения своего драгоценного беспилотника; на экране плясали то волны, то силуэт субмарины, то дымные следы трассирующих пуль. Оператор швырял «Горизонт» в стороны, прижимался к волнам, пытаясь уйти от обстрела, а пулемет на рубке выплевывал очередь за очередью, нащупывая юркую цель. Леха орал что-то матерное, Фомченко отпихнул штурмана от мониторов и сам орудовал мышкой.

– Все, тащ генерал-лейтенант. – неожиданно спокойно сказал старшина. – До них уже километра три, не достанут.

Горизонт набирал высоту. В углу экрана мелькали данные альтиметра: 300... 400... 550...

– Поднимись до семисот и осмотримся. – подал голос кавторанг.

Камера обежала горизонт. Ничего. Ни дымка, ни паруса.

– Кхм... – проклялся Фомченко. – Майор, вы, кажется...

Андрей стряхнул с себя оцепенение.

– Так точно товарищ генерал-лейтенант. По моему мнению – это немецкая подводная лодка, тип UB. Малая, прибрежного действия. Немцы отправили несколько таких на Черное Море в пятнадцатом шестнадцатом годах по железной дороге. Их еще называли «головастики» или «швейные машинки кайзера.

– В тысяча девятьсот пятнадцатом году? – медленно произнес Фомченко, в упор глядя на Андрея. – То есть ты, майор, утверждаешь, что это – подводная лодка времен Первой мировой?

– Утверждаю, товарищ генерал-лейтенант. – То есть, я могу ошибиться, но не очень сильно. Возможно, это UC, подводный минзаг. Одну лодку этого типа, UC-13, выбросило штормом на турецкий берег, потом ее раздолбали русские эсминцы.

– Отставить подробности. Что у них есть – торпеды, артиллерия?

– Вряд ли, товарищ генерал-лейтенант. Орудий на лодках этого типа нет, только пулемет. Правда, на UC-13 поставили трофейную британскую пятидесятисемимиллиметровку... Две торпеды, если это тип UB. Если UC – только мины, двенадцать штук в шести наклонных шахтах.

– Что скажешь, капитан? – Марченко повернулся к кавторангу.

– Они для нас опасны?

– Ну, торпеда есть торпеда. – отозвался тот. – Но – нет, не думаю. Если это и правда лодка начала двадцатого века, мы засечем ее задолго до выхода на дистанцию торпедного залпа. И мины увидим. Правда, глубинных бомб у нас нет, и противолодочных торпед тоже, но как только эта хреновина всплывет – раскатаем с безопасной дистанции. Скорость у нее ничтожная, верно, Андрей Владимирович?

– Так точно, тащ кавторанг. Семь узлов в надводном положении и меньше пяти – в подводном.

– Вот и отлично, – буркнул генерал. – Тогда держитесь за этим корытом так, чтобы нас не обнаружили. Надо посмотреть, что за звери тут еще водятся. И внимательнее на радаре, не хватало проспять турецкий фрегат или вертолет!

– Во время первой мировой вертолетов не было, – напомнил Андрей. Фомченко поморщился.

– Не следует думать, майор, что начальство дурее вас. А вдруг это вовсе не 1915-й? Вот вы – готовы дать гарантию?

– Виноват, товарищ генерал-лейтенант. – смутился Андрей. Фомченко прав, конечно: мало ли какие еще сюрпризы могла подкинуть лиловая воронка?

II

В открытом море

Обломок кораблекрушения

Сергей Велесов, писатель

Миноносец вынырнул из туманного марева, словно чертик из табакерки. Его приближение я чуть не проспал: ласковое солнышко, легкая качка и отпустившее после появления самолета тревога нашли! увидели! спасут! – сделали свое дело. Опомнился, когда до низкого, вытянутого в длину, подобно гоночной восьмерке, корпуса оставалось метров триста. Жирная угольная копоть стелилась над волнами подобно дымовой завесе: все четыре трубы старались вовсю, нещадно загрязняя окружающую среду. Не корабль, а ночной кошмар активистов Гринписа.

Вот, значит, как... Если гидросамолет времен Первой Мировой еще можно списать на народных умельцев, то с боевым кораблем это не прокатит. Я всего раз в жизни видел такой в натуре – в музее города Варна, где братушки ухитрились сохранить миноносец "Дрззки". Кстати, накатывающий на меня корабль очень его напоминал – разве что, четыре трубы вместо

двух, да сам и заметно побольше. На носу – матрос с отпорным крюком; по борту бронзовые, потемневшие от морской воды буквы: «Заветный». Все правильно – миноносец типа «Лейтенант Пушин», одна из восьми единиц этого типа на Черном море. Доцусимская постройка, угольные котлы, три торпедных трубы, две семидесятипятимиллиметровки, пулеметы... Спасибо тебе, лиловая воронка – где бы я еще увидел такую прелесть своими глазами?

«...и век бы не видеть...»

Я так увлекся, разглядывая военно-морской раритет, что о багаже вспомнил лишь когда сверху упал шторм-трап и раздалось: «Держи-кося, дядя, счас мы тя враз подыдем!»

Делать-то что? Отправить компрометирующее барахло за борт? Поздно – баул не успеет наполниться водой и будет плавать на поверхности, шустрый матросик враз его выцепит. Расстегнуть молнию и высыпать барахло в воду? Глупо – считай, самому признаться, что ты есть никто иной, как иностранный шпион. До СМЕРШа здесь пока не додумались, но теплый прием подозрительному чужаку обеспечат, можно не сомневаться.

Обломок катера качнулся так, что я едва сумел удержаться на ногах. С трапа спрыгнул еще один матрос – невысокий, коренастый, лицо в морщинах, как печеная картошка. В левом ухе – золотая серьга.

Боцман? Кондуктор? Да какая разница...

Я пошатнулся и чуть не упал – спаситель, точно клещами, сжал пальцами мне руку выше локтя и заорал перегнувшемуся через борт парню:

– Митроха, чего зенки выкатил, давай конец, носилки давай! И сам полезай сюды – не видишь, человек сомлел, на ногах не стоит! Вытаскивать будем, на руках, шевелись, лярва худая!

Ноутбук... бинокль... рация... документы же, ешкин корень! И двухтомник Тарле – «Крымская война», с указанием года издания, 201 1-й.

Вот теперь точно – попал.

III

Из книги Уильяма Гаррета

«Два года в русском плену.

Крымская эпопея»

изд. George Routledge & Co.,

Лондон, 1858 г.

«...злключения, поставившие меня и моих товарищей по несчастью в унижительное положение военнопленных, начались около часа пополудни, тридцатого августа 1854-го года от Рождества Христова. Наш корабль – колесный паровой фрегат «Фьюриес», спущенный на воду в 1850-м году, – несколько дней назад вышел из порта Варна для произведения разведки. Мы уже не в первый раз сталкивались с русскими; еще в апреле «Фьюриес» фрегат в экспедиции к приморскому городу Odessa и проявил себя с наилучшей стороны, бомбардируя неприятельские береговые батареи.

Утро было посвящено занятиям Законом Божиим с матросами: такие занятия проводились раз в неделю, согласно распорядку, принятому в Королевском Флоте.

Это благочестивое времяпрепровождение было внезапно прервано криками и топотом, донесшимся с мидель-дека. Минутой позже, к нам (занятие шло на батарейной палубе) спустился один из гардемарин. Он кричал что-то невнятное и был, по всей видимости не в себе от страха. Матросы повалили наверх; я, как и подобает смиренному служителю Господа, дождался, когда толчея закончилась и последовал за ними.

Небывалое зрелище предстало моему взору! Неподалеку от «Фьюриеса» кружило нечто, напоминающее крылатого дракона из поэмы сэра Мэллори о короле Артуре. Оно издавало

оглушительный треск и время от времени проносилось над палубой, едва не задевая верхушки мачт. Матросы вздевали над головой кулаки, осыпали чудище проклятиями; иные ничком валились на палубу, прикрыв в страхе головы руками. Но мистер Уильям Лоринг, наш капитан, проявил твердость, свойственную морскому офицеру Ее Величества. Он приказал принести и зарядить мушкетоны и потребовал от артиллерийского офицера, сэра Уиллербоу, изготовить к стрельбе картечью малые карронады на шканцах и полуюте.

Крылатое чудище тем временем вернулось; оно описало широкую дугу, подставив для обозрения бок. И – о ужас! – на хвосте отвратительной твари мы ясно различили голубой крест св. Андрея на белом фоне, что служит флагом военного флота русских. И тут же я заметил, что морда чудовища на самом деле имеет вид лодки, и в ней сидят два человека! Один из них стал делать угрожающие жесты, рассчитывая, видимо, сломить наше мужество.

Так открылась страшная правда, увы, лишь первая в ряду потрясений, ожидавших флот Ее Величества. Безбожные русские, пойдя против законов естества (ибо Создателем определено для людей пребывать на поверхности земли или воды, а отнюдь не летать по воздуху) придумали машину, отвратительный механизм, позволяющий перемещаться с огромной скоростью и на любой высоте. Это, несомненно, плод наущений Врага рода человеческого не зря крылья летучей машины так напоминали другое создания Нечистого, ночного нетопыря!

Рядом со мной стоял военный корреспондент газеты «Манчестер Гардиан» Томас Блэксторм. Этот джентльмен, сопровождавший нас от самой Варны, не потерял присутствия духа. Наоборот, он спустился в свою каюту за фотографической камерой, и теперь хладнокровно устанавливал ее на треноге.

Напрасно русские варвары надеялись сломить британский дух! Мистер Лоринг отдал команду, и молодцы-матросы открыли стрельбу по ужасному летучему кораблю (скорее, лодке, ибо в длину она не превосходила обычный вельбот), из мушкетонов. Сэр Уиллербоу взмахнул палашом, и карронады послали в сторону сатанинского механизма снопы картечи.

Но увы, ужасная машина осталась невредимой. К ее оглушительному треску (не было сомнений, что крылатый вельбот приводится в действие неким родом парового двигателя) добавился иной звук: частая череда выстрелов, будто производимая митральезой системы бельгийца Монтиньи, и тут же от планширя полетели куски дерева. По счастью, никто не пострадал, только юнге Хэррису расцарапало острой щепкой лоб. Русский крылатый вельбот еще раз обогнул фрегат (матросы продолжали стрелять), и наконец, оставил нас в покое.

Как только мы поняли, что ужасный противник улетает прочь, несомненно, испуганный нашей стрельбой, по кораблю прокатилось дружное «ура». Матросы обнимали друг друга; малодушные, укрывавшиеся от крылатой напасти, устыдились своей слабости и присоединились ко всеобщему ликованию. И лишь капитан Лоринг стоял среди смеющихся и вопящих людей, сохраняя на лице маску озабоченности и тревоги.

Теперь, оглядываясь на те ужасные события, я понимаю, что наш капитан предвидел грядущие несчастья и пребывал в растерянности – ибо как воевать с таким противником?

Мы же, подобно беззаботным дикарям Новой Гвинеи, празднующим победу над одиноким белым путешественником, веселились, не зная, что рок уже занес над нами свой разящий клинок. И где-то уже грузятся на корабли веселые ребята в красных мундирах и пробковых шлемах, и забивают пули Минье в стволы винтовок, и протяжный гудок повис над палубой...

И, увы, нас, команду военного корабля Ее Величества «Фьюриес», в скором времени ждала – как и тех сыновей дикой природы, – самая незавидная участь.»

IV

*Османская Империя.
Провинция Зонгулдак*

Где-то на берегу

ОНО лежало в полосе прибоя, длинное, черное, в бурых подтеках ржавчины. ЕГО хребтина – узкая дорожка, разделенная пополам невысоким, в рост человека, горбом, – влажно поблескивала металлом. И ОНО спало: ни звука, ни стоны не доносилось со стороны железной рыбыны, попустительством Аллаха, да будет благословенно имя его, выброшенной волнами на песчаный берег провинции Зонгулдак.

Баш-чауш оглянулся. Курды, непривычно тихие, присмирившие, спешили и прятались за гребнем дюны. Мылтыки и пистолы изготовлены к бою, на лицах страх. Курды – природные горцы, они боятся моря, не верят ему. И не торопятся выйти на берег, навстречу неведомому.

Баш-чауш вздрогнул. Длинный, пронзительный звук повис над пляжем – так, наверное, скрежещут зубами неверные, ввергнутые иблисами в адские бездны. Ало-Шерок выронил ружье и, увязая в песке, кинулся к лошадям. Пшитиван в два прыжка догнал труса; мелькнул изукрашенный жемчугом приклад, и беглец повалился на землю. Пшитиван принялся яростно пинать его, сопровождая каждый удар гортанными проклятиями на своем дикарском наречии.

«Вот что делает жадность даже с таким трусом, как этот выкидыш лядащей верблюдицы!» – усмехнулся в усы баш-чауш. Пшитиван, конечно, боится железной рыбы, его душонка провалилась в кишки при этом жутком звуке. Но поганый шакал выслуживается, он не забыл обещания сделать его бакыджи, старшим при дележе добычи. Правда, ее надо еще захватить...

– Я доволен тобой, Пшитиван. И укрепился в решении назначить тебя бакыджи. Не сомневаюсь, когда мы схватим преступников, ты мудро проведешь подсчет.

– Твой рот глаголет, как уста поэта! – заюлил курд. – Твои губы переливаются через край, как горшок, полный сладкого меда; твоя речь благотворна, как целебная мазь, приложенная к больному месту...

Но баш-чауш не слушал льстивые речи Пшитивана. С горба на хребтине железной рыбыны спускались люди. Турок пригляделся и вздрогнул от удивления. Значит, это не поражение иблиса, а корабль – невиданный ла, но тем не менее – творение человеческих рук?

Он видел паровые корабли под флагами Благословенной Порты в порту Зонгулдак; слышал и рассказы о судах, борта которых обиты железными щитами. Тогда он отмахивался от таких пустопорожних баек, но теперь-то – вот она, железная рыба! Хозяева ее, судя по облику – франкистаны или англезы. И любому ребенку известно, что эти чужаки из не чтут Аллаха, да будет благословенно имя его в веках, а их корабли лопаются от всякого добра. Правда, сейчас англезы союзники Благословенной Порты, но ведь султан далеко и может не заметить маленьких вольностей своих слуг?

– В седла, отродья собаки! – прикрикнул баш-чауш на перепуганных подчиненных. – И постарайтесь не стучать зубами от страха. Запомните – всякому, кто не последует за мной, я лично снесу его пустую башку!

V

В открытом море

Гидрокрейсер «Алмаз»

лейтенант Реймонд фон Эссен

– Эка невидаль – колесный пароход! – повторил фон Эссен. – Их и у нас навалом, а у турок какой только хлам не плавает.

– С британским флагом на гафеле? – поинтересовался Лобанов-Ростовский.

Эссен недоуменно уставился на летнаба.

– Именно, Реймонд Федорович, – подтвердил Марченко. – Как есть, «Юнион Джек». Я слышал, что англичане выпускают в Атлантику суда-ловушки, переделанные чуть ли не из парусных баркентин, но здесь-то Черное море!

– Да и гидроплан не очень похож на германскую субмарину. подхватил Лобанов-Ростовский. – Тем не менее, нас с этой посуды обстреляли.

– Как это? – опешил Зарин.

– Залпами. Из ружей. Черным порохом, прошу заметить – весь борт дымом заволокло.

– А вы ничего не напутали? – спросил Эссен. Вопрос прозвучал неуверенно.

– Какое там – перепутали! – взорвался князь. – На этом корыте, если хотите знать, белая полоса вдоль борта. И пушечные порты!

– Что-о-о?

– Порты. Пушечные. А в них орудия. – четко, с нарочитыми паузами выговорил Марченко. – Дульнозарядные, на колесных станках. Как при Нахимове. И еще – карронады на полубаке. Вы, Реймонд Федорович, помните, что такое «карронады»?

– Помню... – отмахнулся Эссен. – Не ерничайте, Борис Львович.

– А я вот, представьте себе, забыл! Только потом вспомнил, когда эта реликвия в нашу сторону бабахнула. Проку, конечно, ноль, но поверьте – эффе́ктно.

– А я ору: – подхватил князь. – «это турки, сволочи, с перепугу английский флаг вывели, давай, командир, я их с пулемета причешу!» И причесал, будьте благонадежны, только щепки брызнули! Только чихать они хотели на мой пулемет. Бомбу бы...

– Я счел, что кораблю союзников здесь, у берегов Турции, взяться неоткуда, и приказал открыть огонь. – Марченко оставил глумливый тон и говорил теперь сухо-официально. – Полагаю, что британский флаг был поднят в целях маскировки. По возвращении я осмотрел аппарат и обнаружил следующие повреждения...

– Стойку правой плоскости перебили, мизерабли! – перебил мичмана Лобанов-Ростовский. – И две дырки от пуль – в борту и днище! Боренька подруливает к «Алмазу», а я сижу и чувствую – что-то ногам мокро. Наклонился – так и есть, фонтанчик! Ну, я платок свернул, дырочку-то и заткнул...

– ...обнаружены три пулевых прострела, считая сюда поврежденную стойку. – закончил Марченко, бросив на князя сердитый взгляд.

– Все ясно, господа. – кивнул командир «Алмаза». – Благодарю за службу, поднимайте аппарат из воды. Надо бы, голубчик Реймонд Федорович, прояснить этот пароходишко.

– Снова лететь? – с надеждой спросил Эссен. – Моя «тридцать седьмая» в порядке, клапан поменяли...

Умница Кобылин не стал дожидаться, пока чужие загребушие руки дотянутся до обломков и успел разжиться запчастями. Кто смел, то и съел; не станет же лейтенант устраивать распеканку за то, что он раньше срока привел аппарат в порядок?

Зарин немного подумал.

– Нет, Реймонд Федорович, не стоит. Налетались на сегодня, да и погода портится.

Северная сторона горизонта набухла дождевыми тучами.

– Полагаю, «Заветный» уже подобрал вашего крестника. Вот пусть и сбегает до турка. Пойти, сказать радиотелеграфистам...

– А вот мне интересно... – негромко произнес Марченко, провожая взглядом капеланга, – откуда у турок такие орудия? Я еще понимаю, древние ружья... Но – карронды?

– Скоро узнаем, дюша мой! – хохотнул Лобанов-Ростовский. – Миноносники все в подробностях выпросят. А заодно объяснят османам, что нехорошо заbijать русских авиаторов. Чревато.

Глава шестая

I

*В открытом море
Эскадренный миноносец
«Заветный».
Сергей Велесов, писатель*

*Моцъ шести тысяч лошадей
Во имя одного.
Строй уходящих кораблей —
Гнев, двигатель всего:
Моцъ полосатых тел тиха,
Путей их не постичь,
Ждут Смерть, как Девы — жениха,
Искатели добыч!*

Всегда любил киплинговский «Марш эскадренных миноносцев». А после того, как на одном из КСП-шных слетов, в середине восьмидесятых, его спели под гитару, песня эта на долгие годы стала в нашей компании хитом. А я мечтал о том, что никогда не сбудется, а если и оживет – то лишь во снах и на книжных страницах. И вот ведь: сбылось, да еще как!

Меня устроили в кают-компания «Заветного» – корабельный врач счел мое состояние недостаточно тяжелым для лазарета. На палубе я пробыл недолго; как только мою тушку подняли на борт (я категорически отказался от носилок, брезентового кокона с ремнями и деревянными ручками, в котором можно перемещать раненого по вертикальным трапам) погода как-то сразу испортилась. Похолодало; ветер не ласкал, как час назад, а пробирал до костей студеной не по-летнему промозглой сыростью, так что я обрадовался возможности спуститься в пышущие угольным теплом низы.

В кают-компания пусто. Неизвестно как втиснутый в эту тесноту кабинетный рояль прикрыт полотняным чехлом. Стулья, в ожидании качки, задвинуты под общий стол. Вестовой рыжеволосый, веснушчатый матросик, едва достающий мне до плеча, – принес жестяной чайник с крепким чаем и склянку с ромом: осведомившись, «не желает ли вашбродие еще чего?», потоптался возле буфета, перебрал без надобности салфетки и удалился.

Глухо шумят винты, из-за переборки доносился стук машины. Стаканы в буфете дребезжат в такт ударам корпуса о волны, и звук этот сливается с шумом воды за тонким бортом. Красота!

Меньше всего я ожидал, что меня оставят в полном одиночестве. Но факт есть факт: до сих пор моей персоной интересовались лишь вестовой да врач. Эскулап со всем пиететом проводил меня в кают-компанию, поводил под носом ваткой, остро пахнувшей нашатырем и удалился, посоветовав на прощание употребить для поправки здоровья горячего чаю. Лучше – с коньяком. Каковому занятию я и предавался вот уже полчаса.

Вестовой заодно приволок сюда и мой баул. А вот шлюпочный контейнер не прихватил – видимо, боцман, руководивший моим спасением, опознал судовое имущество и наложил на него свою волосатую, с вытатуированным якорем, лапищу. Боцман есть боцман – что в Советском флоте, что в Российском Императорском, что, подозреваю, и в древнефиникийском. Пожалуй, это мне на руку, наверняка корабельный куркуль припрятал мое барахло в

потаенную каптерку, имея намерение разобраться с ним как-нибудь на досуге. Так что прямо сейчас разоблачение мне не грозит, тем более, что и в бауле, судя по всему, никто копаться не стал. И это удивительно – конечно, здесь нет ни Особых отделов, ни контрразведки СМЕРШ, но ведь время-то военное...

Да, именно так. Судя по всему, взбесившийся «Пробой» закинул меня лет на сто назад, в самый разгар Первой мировой. Если точнее – то не раньше 1916-го года. В свое время мне пришлось детально изучить миноносцы типа «Лейтенант Пущин», и я знал, что «Заветный» – тот, на котором я нахожусь сейчас, – получил вторую семидесятипятимиллиметровку Канэ взамен хилых «Гочкисов» только в шестнадцатом году. Я разглядел оружие на полуюте и сомнений не испытывал – на дворе шестнадцатый год. И уж точно не семнадцатый: чувствуется старорежимная флотская дисциплина, а никак не революционная...

Что ж, уже хорошо. Я развалился на низком, обтянутом полосатой тканью, канapé и стал вспоминать все, что знал о Проекте.

II

Турция

Провинция Зонгулдак

Где-то на берегу

Баш-чауш не знал немецкого. Он даже ни разу в жизни не слышал звуков этого языка, а потому ни слова не понял из того, что втолковывал ему командир субмарины. А обер-лейтенант Ганс Лютийоганн объяснял бестолковому союзнику, что подводная лодка получила повреждения в бою; что морская вода залила аккумуляторные ямы, и половина его людей валяются без сознания, отравленные хлором. И надо как можно скорее отыскать врачей, так как на их «малютке» врача не полагается по штату, а единственный фельдшер в обмороке.

Несколько турецких слов, которые обер-лейтенант цур зее выучил во время недолгого пребывания в Стамбуле, только запутали дело. Видимо это были не те слова; услышав их турок дико завращал глазами и надсадно заорал. Обер-лейтенант, было, повеселел, услышав в этой абракадабре несколько французских слов, и попробовал перейти на язык Руссо и Дидро. Рано обрадовался турок возбудился еще сильнее. Воткнул саблю в песок и замахал руками, на манер ветряной мельницы.

Тем временем, на палубе творилось сущее безобразие. Матросы, кое-как выбравшиеся из загазованных отсеков, вяло отмахивались от османов. Те, как саранча, облепили субмарину. Они хватали немцев за руки, один турок попытался влезть в открытый люк, но несколько секунд спустя пробкой выскочил оттуда и принялся плевать прямо на палубный настил. Боцман Моршладт, увидав столь непочтительное отношение к боевой единице Кайзермарине, отвесил негодяю оплеуху, от которой тот кувырнулся за борт, в неглубокую, испятнанную нефтью воду.

Тут же за борт полетел сам Моршладт с кривым курдским ножом между лопаток – Пшитиван отомстил за обиду, нанесенную сородичу. На мгновение на палубе воцарилась тишина – немцы не могли поверить собственным глазам, – и все потонуло в диких воплях на гортанном курдском наречии.

Обер-лейтенант едва успел схватиться за рукоятку люгера – он оставил кобуру раскрытой, отправляясь на переговоры – как на затылок его обрушилась рукоять сабли, и мир померк для Ганса Лютийоганна. Баш-чауш заорал на подчиненных, еще надеясь остановить резню, но было уже поздно: Ханемед ловко, как барану, перехватил горло последнему чужаку, вздел перемазанные кровью руки над головой и засмеялся, широко разевая черную щербатую пасть. Остальные курды вторили соплеменнику, не отрываясь, от дела – обшаривали тела моряков. Пшитиван метался между соплеменниками, размахивая саблей и орал, требуя, чтобы добычу – чикальму! – складывали вместе, и никто не смел бы присвоить хоть медную монетку.

Баш-чауш понял, что погиб. Моряки из Франикстана, это ясно. И теперь начальство, чтобы избавить свою шею от петли, пошлет в Стамбул его, баш-чауша, голову – лишь бы умиловить грозных союзников Повелителя правоверных.

III

Из книги Уильяма Гаррета

«Два года в русском плену.

Крымская эпопея»

«Русский корабль мы заметили издали – его выдал густой шлейф дыма. Офицеры и матросы «Фьюриеса» в гробовом молчании замерли у фальшборта, наблюдая за приближающимся неприятелем. Ни слова не слетало с губ, дыхание застыло, сердца, казалось, перестали биться – вид стремительно несущегося вражеского судна сковывал волю, наполняя души страхом.

И, клянусь пятью ранами Спасителя, было отчего замереть в ужасе! Неприятельский корабль летел по гребням волн, волоча за собой непроницаемую завесу черной, как адские муки, угольной копоти. Его форштвень и полубак порой скрывались в огромном снежно-белом буруне; вода кипела за кормой, выдавая невероятную скорость хода. «Узлов двадцать пять, не меньше...» – глухо произнес энсин Джереми Пратт. «Разве такое возможно? – удивился я, ведь самые ходкие корабли флота Ее Величества едва развивали под парами пятнадцать узлов!

Облик русского – белое полотнище с крестом Св. Андрея не оставляло в этом никаких сомнений! – корабля поражал воображение. Низкий, длинный, похожий на гребные гички, заполняющие Темзу в воскресные дни; четыре короткие трубы, из которых клубами валил дым, выдавали невероятную мощь судовых машин. Мачт на корабле, можно считать, не было вовсе – невозможно представить, чтобы эти тростинки несли паруса! Не было видно и пушечных портов; сэр Уллербоу, артиллерийский офицер, высказал предположение, что орудия стоят на верхнем деке. Так, скорее всего, и было – когда русский корабль приблизился, мы сумели оценить его размеры. Он был заметно меньше нашего фрегата; особенно бросался в глаза низкий борт и чрезвычайная узость корпуса. Второй штурман Улки Смитсон высказал предположение, что мореходные качества этого корабля невысоки. Впоследствии это подтвердилось: русское судно, относящееся к неизвестному у нас классу «минный носитель», не слишком хорошо переносило сильное волнение.

Раздался хриплый звук сигнального рожка, и люди, охваченные дотоле оцепенением, сорвались с мест. Откинута крышка портов. Здоровяки-канониры налегли на гандшпуги, откатывая орудия. Замелькали пробойники, забежали юнги с ведрами, полными воды и шустрые «пороховые обезьяны»⁷. Возле кормового флага встал морской пехотинец, держа на плече Энфилд с примкнутым штыком; другие джолли⁸ устроившись на марсах, уже заколачивают в стволы винтовок пули Минье. Со шканцев безостановочно сыплется барабанная дробь – др-р-рам! Др-р-рам! Др-р-рам! – помощники боцманов пробежали вдоль бортов, отмыкая цепочки, пропущенные через эфесы абордажных палашей; другие волокут охапки полупик и интрепелей. Корабль Ее Величества «Фьюриес» готовился к бою.

По боевому расписанию мне следовало находиться в офицерской кают-компании, помогать корабельному хирургу, мистеру Лерою. Но это вылетело у меня из головы – я замер, подобно Лотовой жене, не в силах отвести взгляд от приближающегося Рока. До него оставалось не менее семи кабельтовых, когда на носовой надстройке сверкнула вспышка, над вол-

⁷ Юнги, назначенные подносить к орудиям картузы

⁸ Весельчак (англ.) жаргонное прозвище английских морских пехотинцев.

нами прокатился гром, и в четверти кабельтова по курсу «Фьюриеса» вырос столб воды. Русские первыми открыли огонь.»

IV

Турция

Провинция Зонгулдак

обер-лейтенант цур зее

Ганс Лютийоганн

В голове рокотали негритянские барабаны. В такт их ударам затылок пронзала саднящая боль, толчками отзываясь под ребрами. Песок, забивший рот, имел отчетливый привкус крови – сладковатый, металлический, тошнотворный. Ганс Лютийоганн замычал и попытался открыть глаза.

Темнота. И новая вспышка боли в разбитом затылке.

Обер-лейтенант оторвал лицо от мокрого песка. Открывшая картина не радовала: на покосившейся палубе субмарины суетились дикари. Они втаскивали тела на рубку и, довольно гогоча, кулями сваливали в люк.

Лютийоганн в бессильной ярости сжал челюсти, на зубах скрипнул песок. Лучшие в мире подводники, храбрейшие из храбрых! Увернуться от русских эсминцев, миновать минные банки и сетевые боны Дарданелл, выйти победителями из смертельных дуэлей с британскими субмаринами. И все это – только затем, чтобы истечь кровью под ножами дикарей? Сдохнуть не так, как это пристало храбрым солдатам кайзера, а подобно свиньям в амбаре мекленбургского крестьянина под Рождество?

Обер-лейтенант перевалился на бок, нащупывая пальцами кобуру. Пусто. Карманы бриджей и кителя вывернуты. Химмельденнерветтер – башмаков тоже нет, из штанин бесстыдно торчат волосатые лодыжки.

Его еще и ограбили...

На палубе загоготали еще громче. В недрах UB-7 гулко захлопало, и Ганс Лютийоганн застонал в бессильной ярости – камрады еще живы, сражаются, убивают этих скотов! Вон как забегали!

Османь, и правда, засуетились – их старший, здоровенный дикарь в красной феске, за кушаком которого Ганс с негодованием разглядел свой люгер, принялся надсадно орать, размахивая саблей. Тут же четверо оборванцев спрыгнули в воду и побежали, увязая в песке, к хижинам, что виднелись неподалеку, за рыбацкими сетями, развешанными на жердях. Пальба в лодке стихла. Турки ждали на палубе, время от времени опасливо заглядывая в люк.

Посланцы вернулись через час. Перекрикиваясь на своем дикарском наречии, они подгоняли пятерых оборванцев, навьюченных бочонками. Добравшись до лодки, носильщики принялись затаскивать свою ношу на палубу, а османь с гоготом вышибали у бочонков днища и один за другим, опрокидывали в недра субмарины.

Краснофесочный скот пронзительно завопил. Дикарь в лохматой, до глаз, папахе вскарабкался на рубку. Другие споро – сказывалась богатая практика, – сдирали с бедолаг-носильщиков их жалкое тряпье. Рвали тряпки на полосы, обматывали ими палки, окунали в бочонок, поджигали и передавали чадящие факелы на палубу. Обер-лейтенант едва сдержался, чтобы не закричать от ужаса и негодования: не сумев одолеть уцелевших подводников, дикари решили выкурить их из отсеков, как охотник выкуривает из норы барсука!

Из люка густо повалил черный маслянистый дым. Внутри лодки захлопали выстрелы, турок-поджигатель, нелепо раскорячившись, швырнул последний факел в люк, захлопнул крышку, по-крабьи, боком, отполз в сторону и скатился в воду. Лютийоганн до хруста сжал зубы – он представил, что творится сейчас в запечатанном стальном гробу. Люди – его, Ганса

Лютйоганна люди! – распяливают рты, в тщетной попытке глотнуть напоследок воздуха – но его нет, только жгучие пары хлора и удушливая смоляная копоть.

Но зато есть торпеды – две масляных стальных сигары в носовых трубах. Конечно, огонь не сразу доберется до них, но когда это произойдет...

Или все закончится раньше, когда кто-то из подводников не захочет захлебываться в собственной блевотине и соберет последние силы, и отвернет кремальеру, и засунет подрывной заряд между бронзовыми лопастями пропеллеров...

Обер-лейтенант ткнулся лицом в песок – не видеть, не слышать, не жить. Если бы турецкий мерзавец не вытащил из кобуры люгер, офицер пустил бы себе пулю в лоб – от невыносимого чувства собственного бессилия, от жгучего стыда перед теми, кто умирает сейчас в консервной банке, моля Господа о предсмертном вздохе...

Нос субмарины вспух огненным пузырем. Над берегом прокатился громовой раскат, взрывная волна смела Ганса Лютйоганна с песчаного гребня и швырнула вниз по склону. Кони башибузуков, привязанные к арче у подножия дюны, бесились, расшвыривали хлопья пены, вставляли на дыбы, рвали поводья. Обер-лейтенант вскочил и, припадая на ушибленную ногу, побежал к ближайшей лошади – невысокой гнедой кобыле арабских кровей. Прочь отсюда, прочь! Скорее, пока уцелевшие османы не сообразили, что он еще жив, и есть на ком выместить злобу за погибших соплеменников. Обер-лейтенант взлетел, не касаясь стремян, в непривычное, с высокими луками и пухлой подушкой, черкесское седло, – сказала богатая практика верховой езды в родовом поместье! – и всадил босые пятки в лошадиные бока. Вслед неслись яростные вопли, хлопали ружья, но воздух уже свистел в ушах: кобыла распласталась на карьере, унося Ганса Лютйоганна от неминуемой смерти.

V

В открытом море

Эскадренный миноносец

«Заветный».

Сергей Велесов, писатель

Беседа с Сазоновым состоялась за две недели до отправления в Крым. И не на Лубянке, где рабочей группе Проекта отвели несколько комнат, а у него дома, на Таганке. Аркадий Анатольевич предложил заглянуть к нему после совещания на чашку чая. Жена с детьми на даче, почему бы не поговорить в приватной обстановке?

Чашка чая обернулась глинтвейном – научный руководитель экспедиции оказался по этой части великим мастером. Мы устроились у новомодного биокамина с большими керамическими кружками обжигающего напитка.

– Видите ли, Сергей Борисович, мы с самого начала оказались в непростой ситуации. Хронофизики – да-да, появилась уже и такая специальность! – все уши прожужжали, что нам доступны не все точки на временной шкале. Чем это вызвано, можно лишь гадать, но профессор Груздев полагает, что это связано с наличием точек неустойчивости – моментов, когда исторический процесс может повернуть в ту или другую сторону.

– Точки бифуркации? – отозвался я. Терминология привычная, не зря я столько часов просидел на форумах альтернативщиков.

– Можно сказать и так, хотя мне этот термин не совсем нравится. Точка бифуркации – смена установившегося режима работы системы. Это сугубо физическое понятие, заимствованное из неравновесной термодинамики и синергетики. Мы же имеем дело скорее с философскими категориями. Вы, безусловно, в курсе, что экспедиция отправится отнюдь не в наше с вами прошлое...

– Да, я помню груздевский доклад. Другие временные линии, параллельные миры...

– Где-то так, – кивнул Сазонов. – Но штука в том, что на этих «иных» мировых линиях нам доступны только те моменты, когда возможны своего рода «развилки истории» – причем те, что могут быть реализованы только в результате внешнего вмешательства. Есть мнение, что нас «впускают» только туда, где мы можем что-то изменить.

Я усмехнулся.

– «Впускают?» То есть вы полагаете, что это управляется чьей-то волей?

– А какая разница, Сергей Борисович? – хитро сощурился Сазонов. – Если за этим и стоит некое разумное начало – то оно настолько обогнало нас в развитии, что мы не можем судить о его мотивах.

Я отхлебнул глинтвейна.

– Так или иначе, но мировых линий бесконечное множество, продолжил Сазонов. – И мы имеем доступ только к тем, что неотличимы или почти от нашей. Ближайшие соседи, так сказать.

– Это мне понятно. Как и то, руководство экспедиции планирует не просто экскурсию, а прямое вмешательство. Хорошо, пусть на нашей реальности это не скажется – но тогда тем более непонятно, зачем понадобилось тратить ресурсы на перекройку чужой истории? Неужели только из научного любопытства?

– В том числе из-за него. Но главная задача иная: Груздев уверен, что мировая линия, «возникшая» в результате нашего вмешательства, будет доступна на всем ее протяжении. Вы, конечно, знаете, что установить контакт с точками, находящимися относительно нас «в будущем», хронофизики не могут, а тут...

– Технологии, понятно... – кивнул я. – История может пойти иначе, но научно-технический прогресс это вряд ли отменит. И мы, оказавшись, в *их* «Полдне XXII-го века», сумеем утянуть немало полезного.

– В общих чертах – так. А иначе, кто бы дал сумасшедшие деньги на такой бредовый проект? Руководству надо непременно представить результат и оправдать израсходованные средства. Потому и выбран столь радикальный метод воздействия – чтоб уж наверняка.

Я хмыкнул и снова приложился к кружке.

– БДК с тяжелой техникой – куда уж радикальнее! Но вы правы, конечно – не допустив поражения России в Крымской войне, мы сразу изменим канву исторических событий. А если еще и помочь «предкам» взять Стамбул и захватить контроль над Проливами...

– Бриллиантовый сон авторов вашего любимого жанра? усмехнулся Сазонов. – Да, решено не мелочиться. Нужен гарантированный результат.

– Ну так и перебрасывали бы сразу «Москву»! Она-то уж гарантирует...

– Секретность, батенька! – рассмеялся историк. – Одно дело скрыть исчезновение БДК и малого противолодочника, и совсем другое – если пропадет целый ракетный крейсер. Мы ведь не знаем, до какой степени наши американские и европейские «партнеры» в курсе этих разработок. А вдруг у них имеется аналогичный Проект?

– В ФСБ уверены, что ничего подобного нет. – я припомнил Дронов доклад на сегодняшнем совещании – Это чисто наш, российский прорыв. Говорили, правда, что-то о китайцах... Но вы правы, конечно, на аллаха надейся, а верблюда привязывай.

Воспоминания прервал топот над головой – на палубе миноносца забегали, через закрытую дверь кают-компания донеслись трели боцманской дудки. Я прислушался – звук машин изменился, переборка теперь не просто ровно вибрировала, а гудела, как перегруженный силовой трансформатор. Удары волн о корпус стали чаще и громче – «Заветный» набирал скорость.

Тишину вспорола пронзительная трель. Звонок бил сплошной дробью – сначала глухо, издали, потом резче и громче, прямо в кают-компанию. Боевая тревога?

А что же еще?

Я вскочил, кинулся к двери, остановился в нерешительности. Что я собрался делать на палубе? А с другой стороны – сидеть и покорно ждать своей участи? А если прямо сейчас в борт ударит торпеда, и кают-компанию захлестнет бурлящий поток?

Дверь открылась, и в проеме появился доктор.

Корабельный эскулап был нагружен сверх всякой меры – саквояж под мышкой, блестящий металлический ящик стерилизатора в правой руке, в левой – большой парусиновый мешок. За ним в кают-компанию протиснулись двое матросом. Один с парой уже знакомых носилок; другой волок коробки, от которых резко пахло аптекой.

На меня врач взглянул с удивлением, будто напрочь забыл о недавнем пациенте.

– Вы, голубчик, шли бы наверх, а то мы здесь перевязочный пункт разворачиваем. Или сидите в уголке, только под ногами не путайтесь.

И тут же снова забыл обо мне – свалил на белоснежную скатерть свою ношу, открыл саквояж и принялся раскладывать на крахмальной салфетке блестящие хирургические инструменты. Я бочком протиснулся мимо, косясь на эти зловещие приготовления, и вышел в коридор.

Меня накрыла лавина звуков: грохот каблуков по трапам, матерная ругань, переливы боцманских дудок; тревожный звонок, не смолкая, долбил по ушам. В конце коридора был узкий, почти вертикальный трап, в люк над головой лился солнечный свет.

– Вылезайте, што ль, вашбродие? – на фоне неба возникла усатая физиономия. – А то задраиваю...

Я преодолел десяток истертых до блеска железных ступенек и оказался на верхней палубе. Матрос посторонился, пропуская меня, потом захлопнул массивную крышку и провернул задрайки по углам.

Сквозь подошвы ощущалась дрожь стального настила. Я огляделся. Ничего похожего на «Адамант»: палуба миноносца отличалась от интерьеров этого детища высоких технологий, как заводской цех от банковского офиса. Ровный, густой голос вентиляторов, запах нагретой машинной смазки и другой, резкий угольной гари. Я не сразу его узнал: так до сих пор иногда пахнет на железнодорожных вокзалах и в вагонах старой, советской постройки.

Палуба накренилась и я, чтобы устоять на ногах, схватился за какую-то трубу. «Заветный» повалился на циркуляции, бурлящая пена захлестнула леера. Я обмер – сейчас опрокинемся! – но миноносец уже выровнялся, и я увидел вогнутую дугой волну, бегущую вдоль борта, чайку на узких крыльях, маслянистые волны, почти вровень с палубой, пелену облаков. А на ее фоне, далеко – черный, с белой полосой по фальшборту, пароход; за двумя короткими трубами тащится неопрятный хвост дыма, пятная паруса на высоких мачтах.

– Дистанция двенадцать кабельтовых! – донеслось сверху. Я задрал голову: там за парусиновым обвесом мостика, маячили напряженные спины наблюдателей.

– Предупредительный, пол-кабельтова по курсу!

Грохнуло, кисло завоняло сторевающим артиллерийским порохом. Далеко впереди парохода взметнулся высокий всплеск. На мостике снова закричали, и «Заветный» покатился вправо. От парохода отделился и поплыл над водой ватный шарик. Секунду спустя донесся гулкий удар, и судно затянуло дымной пеленой. Далеко от миноносца, чуть ли не на середине дистанции, замелькали всплески.

– Как на румбе? – донеслось с мостика.

– Двести четырнадцать! – звонко отозвался молодой, почти мальчишеский, голос.

– Есть. – ответил первый, густой баритон. Мне показалось, что владелец его – невысокий, породный, с раздвоенной, как у адмирала Макарова, бородой.

Снова грохнуло на баке. Снаряд упал с большим перелетом, подняв столб пены с густо-черным дымом.

– Два меньше, беглый!

Теперь загрохотало и с кормы. Пароход вдалеке по-прежнему был затянут клубами дыма, но теперь вплотную к нему один за другим вырастали высокие всплески. Потом в дыму что-то блеснуло и с мостика радостно закричали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.